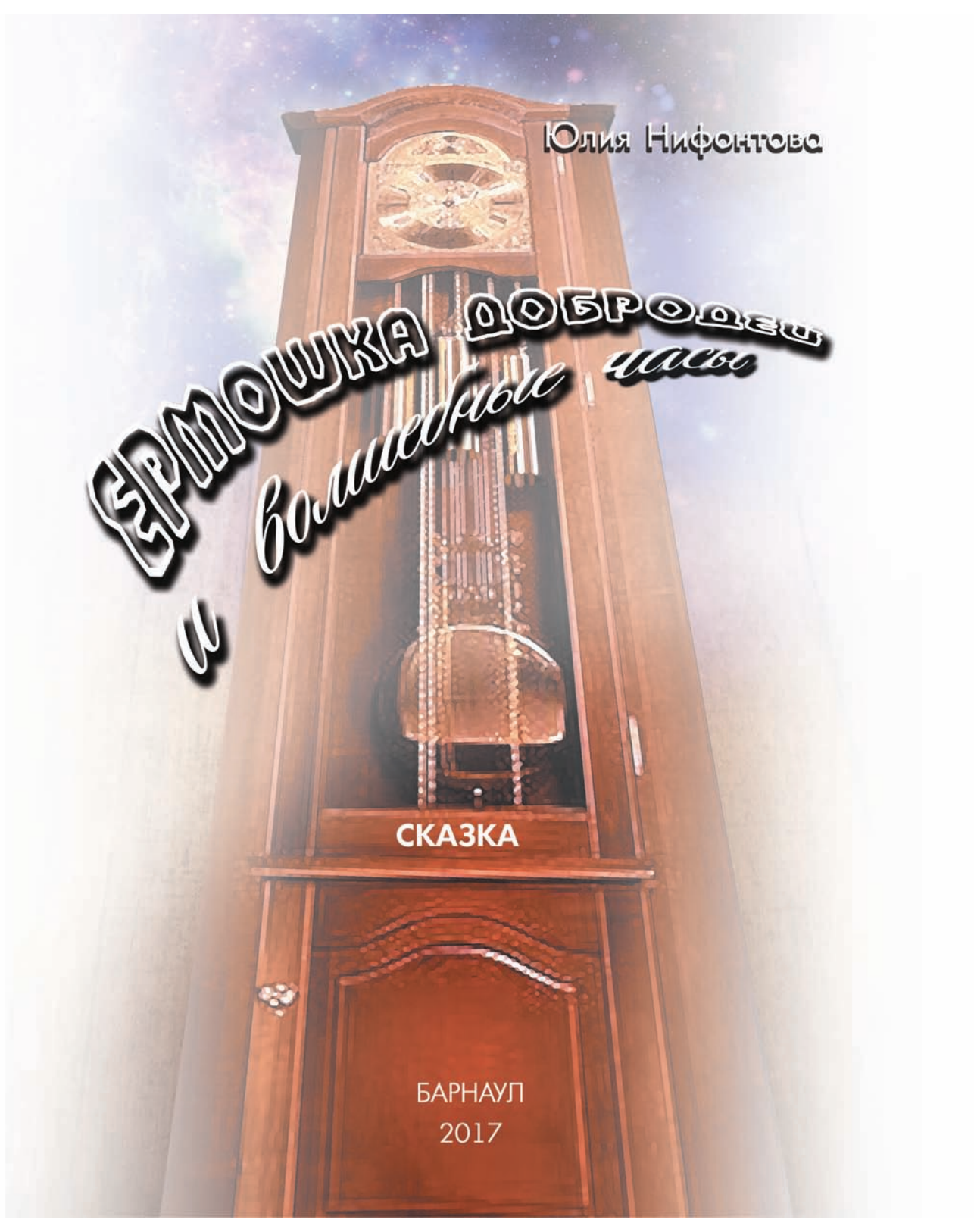

Юлия Нифонтова

ЕРМОШКА ДОБРОДЕШ и волшебные часы

АК

Юлия Нифонтова

БРИТВОШКА ДОБРОДЕИ
и волшебные часы

СКАЗКА

БАРНАУЛ
2017

ББК 84 (2 Рос-Рус) 6-4
Н-698

6+

*Книга издана на средства краевого бюджета
по результатам краевого конкурса
на издание литературных произведений*

Нифонтова Ю. А.

Н-698 Ермошка Добродей и волшебные часы: сказка / Юлия Нифонтова; Упр. Алт. края по культуре и арх. делу, Алт. краев. универ. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова. — Барнаул : Алтайский дом печати, 2017. — 128 с. — (Победители краевого конкурса на издание литературных произведений).

ISBN 978-5-98550-439-2

«Ермошка Добродей и волшебные часы» — первая часть задуманной автором книжной серии о необыкновенных приключениях девочки Оли в мире, полном оживающих игрушек, домашних духов, страшного колдовства и настоящей дружбы.

Героиня сказки живёт вместе с бабушкой в её старом доме, где водится самый настоящий домовый по имени Ермошка. Однажды Оля решилась на безобидную, по её мнению, шалость. Но она не могла себе даже представить, какие ужасные последствия и перемены произойдут из-за этого в её жизни. Девочке и её друзьям предстоит противостоять рассерженным духам ветхого сарая, пережить множество необыкновенных встреч и превращений. Какими герои выйдут из этих испытаний? Суждено ли добру вновь победить зло?

Сказка «Ермошка Добродей и волшебные часы» — это восьмая книга автора, адресована детям старше шести лет и их родителям.

ББК 84 (2 Рос-Рус) 6-4

ISBN 978-5-98550-439-2

© Ю. А. Нифонтова, 2017
© А. И. Ермолович, иллюстрации, 2017
© КГБУ «Алтайская краевая универсальная
научная библиотека им. В. Я. Шишкова», 2017

ЕРМОШКА ДОБРОДЕИ
И ВОЛШЕБНЫЕ ЧАСЫ
сказка

ПОТЯГУШЕЧКИ

Глава первая, в которой читатель знакомится с девочкой Олей и её живыми игрушками.

Утро началось с «потягушечек», то есть как обычно. Бабушка, присев на край Олиной кровати, слегка потягивала её сначала за руки, потом за ноги, приговаривая: «Тяги-тяги-тяги, растите, работяги! Потягушки-потягушки, Олю ждут её игрушки». Эта шутка почему-то всегда казалась девочке невероятно забавной! Оля заулыбалась, но не спешила открывать глаза, надеясь на продолжение ласковых «потягушечек». Однако бабушка чмокнула внуку в лоб, ставя точку в приятной «просыпательной» игре.

Значит, настала пора вставать, ведь игрушки и в самом деле всю ночь терпеливо ожидали хозяйку, лишь тихонько перешёптываясь, даже непоседливая обезьянка Джоконя не вертелась и не хихикала.

Потешные мордочки белых медвежат-близнецов украшали розовые девчачьи тапки. Маленькая хозяйка называла их «потапочки», на самом же деле их звали Топа и Потап. И всё бы ничего, да только тапочки-медвежата

страсть как любили спорить и прятаться. Но сегодня братья не дразнили друг друга, не играли в прятки-догоняшки. Потапочки притаились на положенном месте (именно там, где их с вечера и оставили) и только переглядывались с самым заговорщицким видом. Ведь ночью они узнали настоящий секрет!

Бабушка настойчиво подвела внуку к раковине и начала смывать остатки сна прохладной водой: «Водичка, водичка, умой моё личико. Чтоб смеялся роток, чтоб кусался зубок». Пока никто не видит, Оля снисходительно позволяла обращаться с собой, как с маленькой, хоть

вполне могла справиться самостоятельно, ведь ей уже скоро шесть.

«Ах, скорее бы наступал День рождения! — мечтала девочка. — Я пойду в школу, и тогда мама заберёт меня к себе. Она с новым мужем живёт в многоэтажке рядом с большой красивой школой, а на бабушкиной улице домики маленькие, как в деревне, и школ поблизости вовсе нет. Скоро мама будет всегда-всегда рядом, она полюбит меня и больше никогда не «подкинет», как говорит бабушка. Я буду стараться изо всех сил: учиться только на «отлично», вести себя идеально, помогать по дому... тогда она поймёт, что я самая лучшая на свете дочь! Только вот по бабушке, наверное, буду сильно скучать, так же, как теперь скучаю по маме».

Оля ежедневно готовилась к поступлению в первый класс, она уже знала весь алфавит, могла складывать слоги в слова и считать до двадцати. Умела писать некоторые буквы и цифры. Только вот «Р» и «Я» почему-то иногда смотрели в неправильную сторону. Один раз Оле даже удалось написать слово на иностранном языке! Девочка срисовала его с вкусно пахнущей коробки из-под пиццы, которую мама принесла бабушке «в гостинчик». Но мама почему-то рассмеялась, увидев «Pizza», старательно выведенное дочкой: «Да ты уже самостоятельно английский учишь?!»

Только бабушка не смеялась, смотрела грустно, потом тихо посетовала: «Скоро дочь твоя замуж выйдет, а ты и не в курсе будешь». Оля всё равно прекрасно расслышала её шепот и удивилась, неужели ей скоро нужно будет замуж выходить? Интересно за кого? Хорошо бы за Серёжку из дома напротив, тогда бы и от бабушки не пришлось далеко уезжать. Надо обсудить это с лучшей подругой **Варюшкой**.

Вообще-то, **Варюшка** — кукла, бабушка связала её из разноцветных остатков клубков, глаза — большие чёрные пуговицы. Но в остальном настоящая, и характер у неё — ещё какой боевой! Это взрослые думают, что игрушки — бесполезные предметы, что лишь пылятся и зря занимают место, на самом деле они живые. Но это — самая большая детская тайна! Хотя всё равно никто не поверит.

Оля торопливо ела, зачерпывая из тарелки как можно больше кукурузной каши цыплёночного цвета. Ей не терпелось встретиться с друзьями-игрушками и обсудить кое-что очень важное. Бабушка налюбоваться не могла на такой отменный аппетит. Наскоро расправившись с завтраком, Оля стремглав ринулась в заветный закуток, где заждались её верные товарищи.

— Спасибо, бабуль! Я пойду к себе, позанимаюсь?

— Да уж, беги-беги, вундеркиндер ты мой!

Убедившись, что бабушка отправилась на терраску хлопотать по хозяйству, Оля прикрыла дверь своей комнаты, и началось волшебство...

СЮРПРИЗ

Глава вторая, в которой игрушки и Оля узнают о сюрпризе и готовятся к тайной операции.

Братьям потапочкам, конечно, не терпелось рассказать хозяйке необыкновенный секрет, который им совершенно случайно удалось узнать. Но по привычке они начали перебивать друг друга, потом толкаться, так что перепалка грозила перейти в драку:

— Я лучше тебя расскажу, потому что я всегда — правый! — кричал на брата Потап.

— А это ещё с какой стороны посмотреть! — яростно возражал Топа.

Пришлось хозяйке вмешаться, так как её авторитет был неоспорим. Оля разулась, развела забияк по разным углам своего волшебного закутка и сказала таким строгим голосом, какой только смогла изобразить:

— Так, сначала слушаю Потапа. Говори.

— А чего это он всегда первы-ы-ый, — заканючил было Топа, но, наткнувшись на сердитый взгляд хозяйки, поперхнулся и пристыженно смолк.

— И та-ак?.. — продолжала наседать неумолимая Оля.

— Ну, в общем, гоняли мы вчера с Топой по терраске. Я бы, как всегда, его в два счёта догнал, а он за мной бегал-бегал, и ника-ак...

— Короче! — обрубил приятные воспоминания девочка.

— Вдруг слышим, бабушка с мамой идут. Мы — шнырь под стол и притаились. А они говорят... — Потап стал морщить лоб, чтобы поточнее припомнить, как было дело.

Правый брат-тугодум был, конечно, всегда сильнее левого, но не отличался особой сообразительностью, поэтому очередь рассказывать перешла к Топу:

— Мама говорит бабушке, пусть **это** до Олиного Дня рождения тут полежит. Главное, чтобы дочка заранее не обнаружила, чтоб, говорит, сюрприз был! И в кладовку — шась!

— Так, и кто в кладовку шась, и что — **это**? — заинтересовалась девочка.

— Шась, значит, мама с бабушкой, а **это** — значит, сюрприз! В большо-о-ом таком свёртке.

— Привет! Привет! Привет! — неожиданно обрушилось сверху чьё-то слишком громкое карканье.

Слушатели невольно вздрогнули, одновременно повернувшись к окну. В открытой форточке нарисовался силуэт воронёнка Валеры, которого Оля с бабушкой когда-то подобрали на улице с перебитым крылом. И хоть был он давно здоров и отпущен на волю, но по-прежнему частенько прилетал в гости. За время своего лазарета птенец успел привыкнуть и полюбить девочку да и всю игрушечную детвору, но особенную нежность питал к «почти живой сове» Серафиме, почему-то раз и навсегда решив, что она его ближайшая родня.

Чучело крупной птицы особых эмоций в сторону новоявленного сородича не выказывало, что не мешало воронёнку самоуверенно перелетать на огромный шкаф, где жила Серафима, и нежно тереться клювом о её пёстрые перья. Однако порой чопорная родственница медлен-

но прикрывала круглые янтарные глаза, как бы давая понять чернявому несмышлёнышу, что одобряет его тонкий вкус и правильный выбор.

— Тише, тише ты! — зашикали все на Валеру, и даже «почти живая сова» отвернула от него большую голову, демонстрируя явное неодобрение внезапного громкого голосого вторжения.

Воронёнок пристыженно спрятал клюв под крыло, но через несколько секунд, ничуть не смущаясь, уже обосновался рядом с любимой тётушкой-совой.

— Так что же, в конце концов, там, в свёртке? — первой от оцепенения очнулась **Варюшка**. — И что такое сюрприз?

— Сюрприз, дети, это — **Я!** — раздался из серванта низкий скрипучий голос.

В разговор неожиданно вмешался Крокодил Крокодилыч — маленький глиняный житель старого серванта. Главной его гордостью было то, что когда-то он умел красиво курить, пуская вверх ароматные колечки. К крокодилу, что был размером с катушку ниток, в наборе прилагались крошечные сигареты в красном коробке.

Наигравшись потешным сувениром, его бесконечно передаривали из рук в руки, пока в коробке не закончились все курительные палочки. И пусть теперь Крокодилыч втайне ужасно страдал от того, что люди утратили к нему

былой интерес, но зато скиталец обрёл, наконец, постоянный кров на полке среди бокалов и чайных чашек.

— И с чего это вдруг **ты** — сюрприз?! — возмутилась Варюшка. В порыве солидарности Зая с балалайкой с вызовом тренькнул на своём народном инструменте, выражая согласие со словами куклы.

— А потому! — нисколько не тушуясь, проскрипел Крокодилыч. — Меня так все называли. Все! И первые хозяева, которые купили меня в сувенирной лавке на берегу моря, и вторые, которым они меня подарили,

и третьи, и пятые, десятые..., и все они говорили, да не просто говорили, а, если можно так выразиться, восхищались: «Сюрприз! Какой прекрасный сюрприз!» Так что я — настоящий сюрприз, многократно проверенный!

— Ах, не обольщайтесь, мой друг! — простужено заметила с высоты шкафа «почти живая сова». — Нас всех когда-то так называли. И я в своё время была прекрасным сюрпризом, большим, надо заметить, сюрпризом! И Зая с балалайкой, и даже наши суматошные братья-тапки... так вот что я вам скажу, сюрпризом может стать что угодно! Даже отключение света, проливной дождь или хоть вот он, Валера, — и «почти живая сова» меланхолично кивнула в сторону воронёнка, с обожанием внимавшего каждому её слову, который не преминул звонко напомнить о своём присутствии:

— Сюррпрриз — Варрерра! Варрерра — сюррпрриз!

Вдруг обезьянка Джоконя со свойственной ей беззаботностью предложила:

— Зачем мучиться да гадать, надо просто пойти и посмотреть.

— Ну, не знаю, — засомневалась Оля, — бабушка точно не одобрит. Я без неё никогда ни в кладовку, ни в подпол, ни тем более в сарай не ходила. Да и репетировать нужно, скоро прощальный концерт, а у нас ещё финальный танец совершенно не готов.

— А что, Джоконя права! Мы только глянем одним глазком, что там, в большом свёртке, и всё, — поддержала подругу **Ва**рюшка, которая славилась своим любопытством.

— Ррюбопытной Варрварре, на базарре нос оторрварри! — прокомментировал с высоты шкафа её порыв Валера.

Кукла погрозила наглomu птенцу вязаным пальчиком и назло ему стала пуще настаивать на своём:

— Вот скажите, к чему нам эти сюрпризы? Сроду они нам не нать! И чего такого уж страшного, всего-то навсего в кладовку заглянуть. Да мы зайдём и тут же выйдем, бабушка вовек не узнает!

Оля крепко задумалась. С одной стороны, её раздраляло любопытство, а с другой — она была послушной девочкой и не перечила старшим.

— А если бабушка, например, нас застукает и спросит, зачем мы полезли в кладовку? Я же не смогу ей соврать. Тем более, она меня насквозь видит и всё про меня всегда знает. Взрослых обманывать — нехорошо! Да и вообще врать...

— Мы и не будем, а только мале-енечко схитрим, — перебила Джоконя.

— Да взрослые сами частенько так делают. Вот сколько раз твоя мама обещала тебе, что придёт скоро-скоро-

совсем-скоро, а сама не приходила ни вечером, ни на следующий день, ни через день, — напонила Варюшка. О том, что каждый вечер она была свидетелем горьких слёз, кукла говорить не стала, это была их с Олей тайна, даже бабушка не догадывалась, что девочка часто плачет от тоски по маме.

— Ну, хорошо! Если застукают, будете вы виноваты! Сначала отправим разведчиков. Потапочки, бегите разведайте, далеко ли бабушка.

Пока ждали разведчиков с боевого задания, Оля с застенчивой печалью разглядывала свой волшебный игрушечный мирок. Уютный «зауток» был отгорожен от всего пространства комнаты спинкой кровати и резной стенкой старинного вишнёвого комода. В интерьере кукольного рая имела в наличии маленькая игрушечная кухня, душевая кабинка, стиральная машина и даже великолепный рояль на трёх ножках.

«Неужели скоро мне придётся навсегда прощаться с моим любимым уголком? Ну, Варю-то я всё равно с собой возьму, хоть мама и говорит, что она — самодельный пылесборник. Но как же я смогу бросить друзей? А вдруг без меня они станут безмолвными болванчиками, какими прикидываются при взрослых? И я больше никогда не услышу, как хитрая Джоконда играет на рояле собачий вальс? Потапочки станут заносными тапками, а Зая

сможет тренькать на своей балалайке только после того, как его заведут ключиком? И даже Валера будет говорить только — кар... и ничего больше...» Грустные Олины мысли прервали запыхавшиеся разведчики:

— Путь свободен!

— Бабушка в огороде, а это, как показывает опыт, надолго!

Оля с тревогой оглядела свою команду. Чернокожий пупсик Сэмми — для пиратской вылазки кандидатура подходящая, в темноте его увидеть почти невозможно, да только уж слишком он неуклюжий и невезучий какой-то. Прошлой зимой прислонился к раскалённой печной дверце и заработал ожог на плече, вечно что-нибудь уронит, разобьёт, а этого нам как раз совсем не нужно. Сова прекрасно видит в темноте, но она вообще не слезает со шкафа. Крокодилыч только ворчит скрипучим голосом и всегда всем недоволен.

Зая ведь наверняка не утерпит и хоть разок, а всё ж таки тренькнет на своей балалайке, что тоже весьма нежелательно! Валера, конечно, быстрый и ловкий, но в первую очередь бесцеремонный, и сам не осознаёт всей степени своего нахальства, а ещё очень уж горластый. Стоит лишь ему один раз каркнуть: «Привет!» и всё, пиши пропало!

— Так, на штурм кладовки со мной пойдут Варя и Джоконя. Всем понятно?

— А Варрерра?! Варрерра? — возмущённо захлопал крыльями воронёнок.

— А Ворон Валерий Карлович остаётся на посту и следит за обстановкой во время всей военной операции, — скомандовала девочка, припомнив, как руководит танками и солдатаками соседский Серёжа. — Выполнять!

— Ррад старраться!

— А мыыы?.. — дружным дуэтом завопили тапочки. — Ты что, босиком пойдёшь?

«Ах да, про них-то я совсем забыла, придётся озорников с собой брать», — подумала Оля, обулась и, прихватив с собой **Ва**рюшку и Джоконю, отправилась открывать тайну загадочного свёртка.

ПРЯТКИ

Глава третья, в которой Оля и её друзья решаются на отчаянную вылазку и знакомятся с кем-то совершенно необыкновенным.

Обычный путь через кухню в сенцы, по которому Оля бегала по много раз в день, теперь казался почему-то слишком трудным и длинным. Крепко прижав к себе игрушки, она шла на цыпочках, изредка вздрагивая от неожиданного скрипа половиц: «Да какой же, оказывается, пол в кухне скрипучий! И как это я раньше не замечала!»

Девочка пошла по тканому половику, надеясь, что на мягкой дорожке движение станет бесшумным, но и тут на каждом шагу подстерегал предательский скрип. Выйдя за порог на остеклённую террасу, Оля поняла, что они здесь как на ладони. Бабушка сразу заметит открытую кладовую и заподозрит неладное. Поэтому, быстро юркнув в заветный чулан, она прикрыла дверь, оставив только узкую щелочку, через которую пробивалось слишком мало света.

В комнатке было темно и тихо, как в подполе, где на полках, словно сделанных из глины, чудятся многовеко-

вые сосуды с колдовскими зельями, будто в закромах какой-нибудь ведьмы. Однако здесь был совсем другой запах, не такой страшный. Здесь не пахло мокрой землёй и плесенью, но застоявшийся воздух был замешан на оттенках чего-то старого, забытого и загадочного.

Когда глаза привыкли к темноте, Оля смогла разглядеть на полках странные и давно забытые вещи: резиновые сапожки, что давно стали малы, сложенная сидячая коляска, санки, бабушкины валенки, какие-то тюки и старые книги.

— Воон, на второй полке, видишь? Там большой свёрток. Это вот оно и есть, — прошептал нетерпеливый Потап.

— Сама вижу! Легко сказать на второй полке! Вроде и звучит как-то просто, а на самом деле мне до этой второй полки не дотянуться, даже если встать на высокий табурет! Нет, ничего не выйдет.

— А на что тебе такой ловкий и бесстрашный друг, как я? — успокоила Олю Джоконя. — Мы, обезьяны, и не такие высоты брали!

«Откуда эта плюшевая непоседа может знать про других обезьян?» — удивилась Оля и с сомнением отпустила Джоконю вперёд. Но игрушка не обманула, она так ловко цеплялась лапами и даже хвостом за все вещи, за которые только можно было ухватиться, что молни-

еносно добралась до цели. Но что делать дальше? Джоконья была величиной всего с две Олины ладошки, свёрток возвышался над маленькой обезьянкой, будто шкаф.

— Джоконья, толкай его! А мы здесь поймаем! — решительно приказала девочка, вовсе не подумав о том, как же им потом придётся закидывать свёрток обратно.

Но дело сделано. Оля с замиранием сердца, стараясь не шуршать бумагой, развернула свой сюрприз. Оказалось, что это — красивый школьный ранец. Даже в полутьме было видно, что он яркий, со множеством разноцветных кармашков. На ранце была изображена длинноногая фея со стрекозиными крылышками, вся усыпанная волшебными блёстками. Но и это было ещё не всё.

— Открой его, там что-то есть, — посоветовала практичная Варюшка.

От перспективы того, что в большом сюрпризе, как в матрёшке, спрятано ещё множество маленьких, девочка затрепетала. Осторожно открыв молнию, заговорщики заглянули внутрь. Увиденное превзошло все ожидания: набор цветных фломастеров, красивые тетрадки, пенал с симпатичными мультяшками на крышке и ещё много-много разных нужных мелочей.

Оля и её игрушечные подружки доставали сокровища из ранца по одному и с восхищением рассматривали. Вдруг тайное священнодействие было внезапно грубо прервано!

Сначала кто-то кинул в них старым потрёпанным учебником. Но это бедолаги поняли чуть позже, стоило панике немного ослабить свою хватку. А в первый момент, когда из темноты, шелестя, прилетело неизвестно что, им показалось, будто случилось всё самое страшное сразу: землетрясение, взрыв, чудесный ранец порвался, их застучала бабушка или ещё что-то кошмарное...

Не успели бедолаги прийти в себя, как в них полетели: резиновый сапог, старый мяч и зимняя шапка. Джоконя и **Варюшка** со сдавленными криками, не сговариваясь, рванули к выходу.

— Стоять! Назад! — в ужасе зашипела хозяйка, захлопнув ногой дверь прямо перед их мордашками.

Стыд быть разоблачёнными всё же пересилил страх перед неопознанным врагом, и, зажав себе рот ладонями, Оля и обе её перепуганные подруги по несчастью вжались в угол, стараясь изо всех сил: во-первых, не кричать, во-вторых, разглядеть — откуда идёт обстрел.

Наконец, после двух бесконечно тягучих страшных минут **Варюшка** молча указала на старые бабушкины валенки, притулившиеся к обувной полке в самом тёмном углу. Девчонки не могли поверить своим глазам, из валенка выглядывала чья-то вихрастая голова! Это видение можно было с лёгкостью списать на испуг и темень, но вдруг голова стала кивать им, вот уж показалась

худая ручонка, не больше кукольной, которая уверенно и энергично погрозила бедняжкам жилистым кулачком.

— И чем это вы тут промышляете? А?! — раздался со стороны валенок звонкий ехидный голос, требующий немедленного ответа, словно его обладатель был здесь самый главный, даже главней бабушки.

Олю так возмутил насмешливый тон незнакомца, что она тут же забыла про страх:

— А ты кто такой есть? И что это ты тут раскомандовался? В бабушкиной кладовке?

— Я тут живу, меня так и кличут — доможил, а вообще-то, я — Ермошка Добродей, — весело отозвался тот же лукавый голосок, залиvistый, словно хрустальный колокольчик.

— Добродей? Эт чего фамилия, штоль, такая?

— Неа, таково призвание моё! Так чего это вы здесь?!

— Ааа... мы тут в прятки играем, — неожиданно для себя самой выпалила Оля.

— Ан не-ет, — не поверил Ермошка, — в прятки разве так играют? В прятках же самое главное — чтоб не нашли! Вот спрячутся, бывало, игруны и сидят ладом — тихохонько, не шелестят... А вы вона как весь свёрток-то расшебуршили, вешши все пораскидали! Торопились, да всё с оглядкой, словно что-то запретное творили. Охы, здоровы же некоторые врать, стыд-головушки!

Во время своей обличительной речи Ермошка вылез, наконец, из валенка полностью. Оля, стараясь не выказывать испуга, снова приоткрыла дверь и пустила свет. Прикидываясь, будто очень занята складыванием подарков в новый ранец, девочка, впрочем, краем глаза поглядывала на незнакомца. Игрушки теперь ничуть не казались напуганными явлением Ермошки, словно были хорошо знакомы с ним раньше, они деловито помогали хозяйке разыскивать в полутьме и складывать вещи.

Ермошка был маленький и худенький, будто кукла, не мудрено, что он мог полностью спрятаться в бабушкином валенке. Из его пыльных белёсых вихров торчало иссиня-чёрное перо, подозрительно напоминавшее о воронёнке Валере. Одет мальчик был тоже довольно странно: в длинную, утыканную значками холщёвую рубаху до колен, обут в рваные, большие, не по размеру, кеды, штанов же на нём не было вовсе, зато за обтрёпанную бельевую верёвку, что заменяла ремень, была заткнута на манер кинжала старинная серебряная вилка, явно из бабушкиного набора.

Разглядев незнакомца и немного осмелев, Оля язвительно заметила:

— Ой, кто бы говорил! У самого за поясом — ворованная вилка, а на рубашке все мои потерянные значки.

— Я ничего не ворую! Не имею вообще таких привычек! — неожиданно вспыхнув, резко возмутился мальчу-

ган. — Я — потомственный Добродей, Домовой во семьдесят седьмом колене! — Затем, как бы спохватившись, чего это я, мол, так горланю, домовёнок продолжил уже примирительно: — Эт я потерянное храню-сохраняю, потому как я — домо-сохранитель! Во! Ты значок с Буратиной у порога уронила и не заметила, а я подобрал, чтоб злыдни, значит, добро из дома не вынесли.

— А вилку? Тоже у порога нашёл? — продолжала наседать Оля.

— Почему эт у порога, неет, под столом обнаружил. Эт вообще моё оружие... от вампиров.

Оля вздрогнула, мало ли что тут в темноте бегают, ежели домовые есть, так может, ещё и вампиры завелись. Ведь недаром бабушка всегда строго-настрого запрещала ей в кладовку заходить. Чтобы разведать обстановку поточнее, она осторожно спросила:

— И как? Есть уже побеждённые вампиры?

— Эхх, нет пока, — Ермошка огорчённо покачал нечёсаной головой, — но надеюсь, что ещё будут.

— Да? А я надеюсь, что нет.

— Да я вообще, знаешь, чего могу? Я вообще всё могу! Могу невидимым стать, могу через стены проходить, могу вообще в разные места моментально переноситься.

— Слушай, а раз ты такой всемогущий, можешь нам помочь, а? Немного, самую малость?

— А вы мне чего?

— А мы тебе... Ну... мы... тебе... а мы с тобой за это дружить будем!

— Со мной? Дружить? У меня вообще-то никогда ещё друзей не было. Только злых дядьков имею, да и то двоюродных.

— Ну, тогда закинь этот свёрток снова на место, где он раньше лежал, — ласково и просительно протянула Оля, аккуратно заворачивая ранец в обёрточную бумагу.

— В два счёта, ать-два! — Ермошка сноровисто щёлкнул пальцами, и от его щелчка в темноте сверкнуло сразу несколько искорок.

На глазах у изумлённых девчонок тяжёлый свёрток медленно сам собой поднялся в воздух, поплыл вверх и удобно устроился на прежнем месте. Чтобы не выказывать сильнейшего изумления, Оля голосом строгой хозяйки указала:

— Да, и чем ты там в нас кидался? Давай-ка прибери все вещи, а то бабушка всегда замечает, что не так лежит.

Ермошка послушно щёлкнул ещё раз, и вслед за ранцем на свои места вернулись учебник, резиновый сапог, старый мяч и зимняя шапка.

— Ладно, ты к нам приходи! Мы концерт репетируем.

— Да видел я как-то раз вашу риписицию, — помялся для приличия мальчик. — Ла-адно, приду, вам там явно не хватает моего соло на ударниках!

— На барабанах? — удивилась Джоконя, которая умела играть на рояле собачий вальс и отвечала за всю музыкальную часть их самодеятельного театра.

— Нее, на кастрюлях! — заявил Ермошка, горделиво выставив вперёд тонкую ножонку с перепачканным коленом. — Ну, да ладно, заболтался я тут с вами, делов-то у меня — полон рот! Да и вам, кстати, тоже пора! Бабушка-то с огорода возвращается, вот сейчас только огурчики в кадке по-быстрому сполоснё... — не договорив последнего слова, волшебный мальчик исчез с громким плеском, словно в воздухе лопнул огромный мыльный пузырь.

На удивление и разговоры не было ни секунды, и Оля с игрушечной командой что есть духу рванула в свою комнату, не забыв плотно прикрыть дверь в кладовую.

Азарт и радость от того, что так ловко и удачно провернули дело, переполняла друзей, они ещё долго обсуждали приключение, вспоминая всё новые детали сюрприза и нюансы знакомства с домовёнком. Однако мальчик не появился ни к вечеру, ни на следующий день, и жизнь потекла по своему размеренному руслу.

ПРЕРВАННАЯ РЕПЕТИЦИЯ

Глава четвёртая, в которой после триумфального въезда героя верхом, происходит явление, окончательно испортившее репетицию.

Больше всего на свете Оля любила волшебные сказки. Иногда она представляла себя Русалочкой или Золушкой, но чаще всего маленькой феей со стрекозиными крыльями, которая может летать с цветка на цветок. Верная подруга Варюшка мечтала быть мамой троих вязаных кукол и ещё всегда, во что бы то ни стало, оставаться рядом с Олей.

Джоконя мнила себя не кем иным, как могущественной повелительницей подземелья. Однажды случайно упав в погреб, обезьянка мечтала туда вернуться хоть ненадолго, словно это была пещера Аладдина, полная не банок с вареньем, а драгоценных сокровищ. А ещё они все вместе мечтали быть артистками и постоянно придумывали то смешные сценки, то разыгрывали целые увлекательные истории, где каждый мог быть тем, кем хотел.

Однако Оля всё равно постоянно втайне от всех ждала Ермошку, и порой даже беспокоилась, не случилось ли с ним чего (?), ведь он показался ей таким легкомысленным.

Однажды, во время очередной репетиции кукольного концерта, случилось необыкновенное происшествие. Не сговариваясь, игрушки вдруг выстроились в ряд и вытянулись, как солдаты на параде. Впереди Зая с балалайкой, с невозмутимым выражением на мордочке и только лапкой ритмично по струнам: треньк, треньк, треньк.

С тихим скрипом приоткрылась дверь в детскую, и... Оля оторопела от увиденного. Верхом на сибирском коте Марсике, сверкая начищенными значками, с вилкой за поясом гордо восседал Ермошка, как генерал на боевом коне.

Марсик, надо заметить, был котом весьма и весьма своенравным. Никогда он сам не приходил ластиться, а чтоб погладить его по пушистой дымчато-пепельной шёрстке, нужно было ещё как-то изловчиться и поймать упрянца. На руках он тоже сидеть не любил, потерпев ненавистные ласки буквально с полминуты, начинал вырываться и царапаться. Короче, характер у животного был крутой, серьёзный, так что на роль единицы военной игрушечной кавалерии Марсик вполне годился.

Удивило Олю и то, что кот, который не любил подчиняться ни ей, ни даже бабушке, что кормила, холила-лелеяла и души не чаяла в любимце, теперь слушался своего бесштанного наездника беспрекословно и вообще демонстрировал чудеса дрессировки.

Марсик с достоинством прошествовал мимо шеренги игрушек, встречающих их триумфальный въезд, развернулся и послушно присел, ссаживая седока. Домовёнок ловко спрыгнул с пушистого «мустанга» и, выхватив из-за пояса вилку, поднял её над головой, словно саблю, и под нестройное «Ура!» победоносно потряс над головой, приветствуя собравшихся.

— Привет, детвора! — обращаясь к присутствующим, начал было свою речь доморощенный вояка, любуясь произведённым эффектом.

Но тут его торжественное выступление прервала Оля:

— Вот у меня отчего-то складывается такое впечатление, что все здесь сговорились. — Обведя прищуренными глазами друзей, она продолжила: — Так, признавайтесь! Сдаётся мне, вы уже да-авненько знакомы с главнокомандующим, и эта праздничная демонстрация тоже загодя готовилась, причём специально для меня? А?!

— А что? Не понравилось, да? — надув губы, Ермошка стал судорожно вставлять вилку обратно за ремень, сиюсь спрятать за суетливой деловитостью нахлынувшее огорчение.

— Ну что ты, мне всё, конечно, понравилось! И то, что мои родные игрушки явно знали о твоём существовании гораздо раньше меня. Но никто, — Оля с нажимом повторила: — никто, — глядя прямо в растерянное лицо

лучшей подруги **Ва**рюшки, — ни один из вас даже не намекнул мне, что по дому бегает какой-то мальчуган без штанов, размахивает вилкой и ездит верхом на нашем коте. И этот пушистый предатель почему-то слушается самозванца, как шёлковый, а с нами, его хозяевами, ведёт себя абсолютно презрительно, а порой просто по-хамски!

— Ну, успокойся, пожалуйста, Оленька, — испуганно залепетала **Ва**рюшка, — мы просто хотели сделать тебе приятный сюрприз, удивить, повеселить...

— Сюррпрриз! Сюррпрриз! — отреагировал на знакомое слово воронёнок Валера, который всё это время с удивлением тарачился на происходящее со своего излюбленного наблюдательного пункта на шкафу. Воронёнок вообще очень любил повторять разные поговорки и новые выражения, особенно если в них имелась звучная буква «Р».

Варюшка торопливо гладила Олю мягкой вязаной ручкой, преданно заглядывая ей в лицо чёрными блестящими глазами-пуговками. И тут на помощь пришел Ермошка:

— Не сердись на них, не выноватые оне! Все игрушки да зверушки домашние про доможилов знают, да только тайна ето великая, которую выдавать никому нельзя. Ещё детки нас малые видят до прорезания зубов. А тебе я сам решил показаться... а так бы и не ведала обо мне ниччо... не положено людям о нас знать вовсе!

— И зачем же, позволь спросить, ты тогда решил мне сам показаться, если это такая уж тайна? — искренне удивилась Оля.

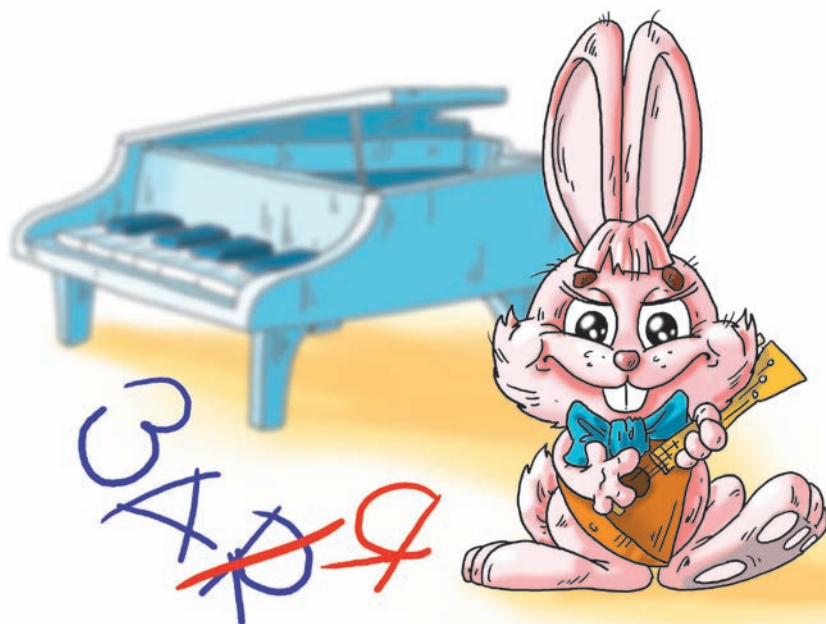
На что Ермошка вдруг зарделся свёкольным румянцем и, опустив глаза долу, смущённо прошептал:

— Люба ты мне потомушта... — но потом, словно опомнившись, снова задорно и с вызовом поднял взгляд на девочку, — а вот просто так! Схотел и всё тут!

— Ну, хорошо, считайте, что повеселили, — примирительно ответила девочка, решив сгладить неловкую ситуацию, — теперь продолжаем репетицию?

Игрушки послушно встали на прежние места, изображая хор, Джоконя взяла аккорд, Зая бодро ударил по струнам. Хор дружно грянул:

Самая красивая
Мамочка моя.
Сильно-сильно-сильно я
Так люблю тебя.
Мама мне приносит
Разные конфеты,
Но люблю я маму
Вовсе не за это.

Мама дорогая, ля-ля-ля!
Мама золотая, я люблю тебя!
Мамочка устала,
В гости не пришла.
Но я точно знаю,
Помнишь ты меня.
Может, много важных
Накопилось дел.
Я не буду плакать:
«Где ты, мама, где?»

Мама дорогая, ля-ля-ля!
Мама золотая, я люблю тебя!..

Ермошка, который никак не мог удовлетвориться ролью пассивного слушателя, вышел на авансцену. Всё это время он с неподдельным достоинством дирижировал кукольным хором. Вместо дирижёрской палочки пройдоха приспособил огрызок карандаша.

Песню для мамы удалось общими усилиями сочинить только до половины. Осталось ещё придумать один куплет о том, что совсем скоро лирическая героиня встретится со своей горячо любимой потерянной родительницей, с коей уже никогда-никогда не расстанется.

Точнее, первое четверостишие было начато Олей:

— Буду помогать я, это не обман!

— Подари мне платье! А ещё банан!— осенило вдруг поэтическое вдохновение обезьянку Джоконю.

— Нет, Джоконя, это некрасиво клянчить у мамы подарки, тем более в песне. Там, например, нужно сказать, точнее спеть, как я ей буду по дому помогать. — Оля приосанилась и запела: — Мамина помощница, прибираюсь ловко.

— А я ранец видела, спрятанный в кладовке! — коварно хихикнув, вставил Ермошка.

Потапочки, припаркованные под игрушечным роялем, дружно прыснули со смеху. Зая дважды ударил по струнам, притворившись, будто бы аккомпанемент получился совершенно случайно. Сэмми подавился предательским смешком, но вовремя сдержался.

— Та-ак, мало того, что вы меня подбили на эту каверзу, так ещё и хихикаете надо мной! — сердито прикрикнула на присмиривших товарищей обиженная Оля.

Она уже намеревалась хорошенько пропесочить нахальных братьев, да и всех остальных призвать к совести... Но в этот момент произошло явление настолько страшное и неожиданное, что по сравнению с ним даже триумфальный въезд Ермошки значительно померк.

Сначала никто ничего не понял, а все лишь услышали противный душераздирающий писк. Как две чёрных мол-

нии, одна за другой промелькнули росчерками в воздухе два пятна и приземлились в углу. Оля вздрогнула всем телом и зажала уши.

Не только репетиция «мамского» концерта, но и общее настроение были окончательно испорчены.

НЕНАВИСТНИКИ

Глава пятая, в которой обнаруживается пропавшая, а также выясняется, что Оля и её игрушки окружены врагами.

В комнате началась страшная неразбериха и бедлам. Игрушки в панике бросились сначала врассыпную, затем, чуть опомнившись, сгруппировались за Олей, найдя защиту за спиной любимой хозяйки. Лишь маленький неуключий Сэмми запнулся о ножку рояля и беспомощно барахтался, тоненько поскуливая от страха. Оля подняла пупсика и прижала к себе. От этого ей и самой стало чуть менее страшно, и она смогла разглядеть в углу две прижатые друг к другу фигуры.

Точнее в углу был зажат толстый серый крысёнок, на его приплюснутую тушку навалился бесстрашный Ермошка:

— Изыди, анахфема! — острой вилкой-трезубцем отважный спаситель игрушек целился прямо в красный злобный крысиный глаз.

— Ой, пощадите! Не губите, Ваше сковородие! Не по своей воле явился средь бела дня!

— Так чего ж тебе надо, Куц, окаянный ты ощу-рок?! — не опуская остророгого орудия, допрашивал не-прошеного гостя домовёнок.

— Дядья за тобой прислали. Грозили шибко! Да веле-ли передать, что оне, дескать, сурпрыз кладовошный-то то-го... изъяли! Знать — в наказание! А ежели ты и далее бу-дешь с человеческой девчонкой якшаться, то оне тебя не токмо штанов, но силы волшебной лишат! Так и знай, лишат — не помилуют!

— А ну, никшни, постылый никчёма!

Ермошка с отвращением толкнул крысёнка прочь от себя:

— Иди передай дядьям, штоб в дела мои не совались. А ежели не вернут чужую вещь, не по праву имя украден-ну, то и в подполье им таперича ход закрыт! Так им и пе-редай, растопырка полоротый!

— Да я-то передам... всё передам. Только ты шибко не хорохорьси. — Отбежав на безопасное расстояние, про-тивный Куц скорчил ехидную морду и злорадно пообещал, сотрясая воздух крошечным костлявым кулачком: — Отде-тишь ещё за непотребства! Сурпрыз твоей крале мы по-портим — со всех сторон погрызём! Так и знай, погрызём! Бог не Ермошка, видит немножко!

— Сюрррпррииз! — очнулся от оцепенения на своём наблюдательном пункте воронёнок Валера. Его любимая

подруга сова, пропустила весь момент боя с серым пришельцем, лениво приподняла тяжёлые веки и вновь погрузилась в безмятежный сон.

— Так, вороньяка, лети быстро к дворовому сараю да глянь там по щелям,— тоном, не терпящим возражений, приказал Валере Ермошка, — усмотри вострым глазом, нет ли где бумажного свертка, размером вот с неё, — мальчик бесцеремонно указал на дремавшую на шкафу «почти живую сову».

К общему удивлению строптивый и упрямый воронёнок вежливо поклонился домовёнку и беспрекословно вылетел в открытое окно.

— А где крысёныш? — тихо спросил испуганный Сэмми.

— Он во-он туда, за шкаф юркнул, только хвост мелькнул, — ответила **Варюшка**, к которой вернулась её обычная бодрость духа, едва только противный крыс исчез из поля зрения.

А вот Оля, напротив, не на шутку опечалилась, в глазах застыли слёзы:

— Вы слышали, что он сказал? Если они испортят мамин подарок, она ужасно огорчится, а может даже до такой степени рассердится, что вовсе никогда не возьмёт меня к себе.

— Да это всего-то-навсего рисовка, пустой свист! — попытался успокоить девочку бесшабашный Ермошка.

— Ты что, не понимаешь, что ли? Ведь никто во всём белом свете не поверит, что серые крысята совместно с какими-то дядями знакомого домовёнка утащили мой школьный ранец. Это ж уму непостижимо! Все непременно подумают на меня! Бабушка завсегда про все мои проделки наперёд знает. Да она уже, наверное, в курсе, что

я втихаря, без спросу в кладовку лазала, а теперь ещё и подарка на месте неее... — Оля не смогла закончить фразу из-за нахлынувших горючих слёз.

Игрушки, не сговариваясь, кинулись к девочке, обнимая её и наперебой уговаривая не расстраиваться. Однако уговоры не возымели действия — Оля рыдала в три ручья.

— Так, стоп телега! — громогласно гаркнул Ермошка, заглушив сразу всех. — Сначала надо выяснить, правду ли сказал Куц, а то он ведь и соврёт — недорого возьмёт! Я уже послал ворона-разведчика в логово грабителей. Пусть заодно разведает обстановку. А ты не реви, аки телята! Сейчас мигом в кладовке пошукаю: гляну, на месте ли кулёк аль нет. Одна нога там, другая тут.

С этими словами Ермошка ободряюще подмигнул девочке, ухарски подбоченясь, топнул ногой и совершенно неожиданно исчез с уже знакомым мыльным всплеском.

Не успела ещё компания прийти в себя от удивления, как волшебный мальчик вновь образовался на том же самом месте, вот только настроение его заметно испортилось:

— Ой, проторя одна с такой роднёй! — сокрушался Ермошка. — Да ну ниччо-ниччо, не таких ещё видали, не такие шали рвали!

— Что-что?! — наперебой вопрошал кукольный хор, только Оля поняла заранее — никакого свёртка домовёнок в кладовке не обнаружил.

— Да ну не то чтоб полный швах, ежели сундук с богайством только лишь крыски уташшыли, тута я их мигом приструню, оне у меня апосля по одной половине ходить будут, маршировать и песню петь строевую: «Мама золотая, ля-ля-ля-ля...». Но вот ежели это не оне, а те, другие, во-от тогда сурьёзно, почти...

— Так, Ермоша, миленький, расскажи, кто такие эти другие? Говори честно! — взмолилась заплаканная девочка.

— Вот говорю, как на духу — ненавистники! Натуральные ненавистники и есть! Не-на-вист-ни-ки!

— Да кто это?!

— Да я уж и говорил, дядьки мои двоюродные: Свирка — лживый, да Кочебор-Колядыч — грозный... Есть ещё племянник малой, Угрюша, — нюня-плакса, он у них под пятой, да етот — не в счёт.

— Ермошенька, ну если ты такой из себя добродей-домовой-хозяин волшебный, можешь исчезать, над всеми командовать. Так почему же эти дядьки над тобой верх взяли? — резонно вопрошала Ва^арюшка, разводя вязаными руками.

— О нет, други дорогие, это я в доме старшой, а во дворе свои хозяева — сараешники: Свирка-лживый да грозный Кочебор-Колядыч.

— А Угрюша? — не унималась любопытная кукла.

— А Угрюша — несчитово, хнычет себе в старом колодце, что в дом водопровод провели, а его позабросили. Есть ещё Збигня-толстопузый, тот безвылазно в погребе сидит, света белого не видит, варенья-соленья пересчитывает.

— Враги, кругом враги! — вдруг отчаянно пискнул Сэмми и опустил голову.

— Вот-те ещё один Угрюша нашёлся! Не бойсь, уголёк! Где наша не пропадала! Скажите ещё спасибо, что у вас во дворе бани нету, а то банники — народец, ух! Непредсказуемый...

— Ну, и где же мой рюкзачок?! — прервала рассуждения домовёнка Оля.

— Дык понятное дело где, сараешники оне и есть сараешники. Злыдни косопузые! Вот в сарае твоё богатство-то и заныкали.

Тут послышался шум крыльев, и на подоконник приземлился взъерошенный и перепуганный Валера.

ШУБУРШУНДЫЯ

Глава шестая, в которой воронёнок Валера возвращается из разведки и приносит ужасную новость, Ермошка получает неожиданный подарок, а друзья узнают о стране, где живут сарацинники.

Воронёнок держал в клюве чернящее перо, которое прежде явно украшало его собственный хвост.

— Вырвали варрварры! — возмущённо каркнул Валера, сокрушённо положив трофей у своих ног.

Все присутствующие, оторопев, молчали, ожидая услышать нечто трагическое. Однако птенец не спешил делиться пережитым, а внимательно изучал потрёпанный хвост, то и дело поправляя пёрышки, стараясь заделать образовавшуюся прореху.

— Ну, что там? Что там было-то? — первой не выдержала Варюшка.

— Кошмаррр! — с энтузиазмом откликнулся пострадавший, будто бы только и ждал вопроса.

После этого воронёнок так активно застрекотал, что от производимого им шума многие просто зажали уши,

и даже «почти живая сова» Серафима озабоченно встре-
пенулась на высоком шкафу. Видя недоумённые взгляды
окружающих, инициативу взял в свои руки Ермошка:

— Так, перевожу. Стоило лишь мне (то есть ворону)
подлететь к сараю и заглянуть в щёлку, как с крыши прямо
на меня (то есть на него) прыгнул кто-то страшный и очень
сердитый. Но я не из робкого десятка и не привык отступать
(и это, кстати, не только про ворона!), завязалась драка. И я
непременно бы одолел серый злющий комок, если бы ему
на подмогу не прилетело другое серое пятно и не залепило
мне (то есть ворону) глаза. Но я (то есть он) продол-
жал сражаться вслепую. Однако силы были неравными.
Несмотря на понесённые утраты и невосполнимые потери,
мне удалось остаться в живых и вернуться непобеждённым!

После слова «непобеждённым» у слушателей вырва-
лось невольное «Ах!» Но если из уст окружающих это
было выражением восхищения, страха, либо смеси страха
и восхищения, то бойкая Варюшка ахнула, разочарован-
но всплеснув вязаными руками:

— И что ж ты, глупый, всю прыть на драку потратил,
а за чем тебя посылали-то и не вспомнил!

— Нет, всё! Оля никогда больше не увидит свой пода-
рок! — горько заплакал Сэмми, утирая слёзы кулачками.

— Думаю, не пристало нам ворона чихвостить. Усты-
дить птичку да ёрничать — много ума не нать! А вот то,

что у сарая засада ждала, — это главное! Знать, злыдни-сарашники не просто так удумали чужое добро приныкать!

— Да, всё гораздо сложнее, чем мы думали, — согласилась Оля, — и что ж нам теперь делать? Наверное, придётся самим идти? Кто со мной?

— Ну, уж я тебя, голубушка, одну не оставлю! — подражая бабушке, уверила подругу Варюшка.

Остальные молчали, потупив взоры. Пауза тревожно затягивалась. В принципе, то, что Сэмми и Зая с балалайкой струсят, было для Оли ожидаемо, даже то, что любопытные и задиристые потапочки не выразили желания кинуться в бой, тоже было объяснимо. Однажды они случайно выбежали во двор и угодили прямо в лужу, после чего их отругали и долго стирали в тазу. Понятно, что братья теперь боялись выходить за порог.

Но Ермошка?! Мальчик, который усиленно изображал из себя отважного героя, стоял теперь, неуверенно переминаясь с ноги на ногу, и пристыженно молчал. Наконец, Оля не выдержала и решила обратиться напрямую:

— Ермоша, а ты почему молчишь? Неужели ты не хочешь помочь? Это же твои странные родственники спёрли мой подарок!

— Да будя, будя тебе. Я хоть и что ни на есть добродей и коренной доможил, так сказать, породистый, но, однако

же, признаться должон — без крыши дома сил волшебных лишён и супротив дядьков не волен.

— Что, совсем? То есть, как только ты выйдешь из дома, то станешь просто-напросто крошечным мальчиком? Обыкновенным?

— Не совсем, конечно! Ну там исчезать, аль через стены ходить, аль исчо кака-никака пустяковина, ет запросто! Завсегда пожалста! А вот супротив сараешников войной идтить... ето, мил-моя, перебооор... Эт я токма на своей территории их могу воле подчинить, а во дворе — ихня власть! Да и к тому ж... — мальчик потупился и залился ярким румянцем...

— И?! Что «к тому ж»?! — нетерпеливо дёрнула его за рукав Варюшка.

— Ну вота... э-ээ... — Ермошка досадливо указал на свои грязные голые ножонки с острыми коленками.

— У него крысы штаны свистнули, — наперебой стали торопливо объяснять вездесущие Топа и Потап, — что б он, эт-самое, во двор не совался даже!

Услышав о том, что его секрет раскрыт, Ермошка стал пунцовым и едва сдерживал предательские слёзы. Оля и игрушки пристыженно молчали, только кот Марсик как ни в чём не бывало лизал свою лапку с таким видом, будто важнее этого занятия ничего на свете не было и нет.

Наконец, Оля очнулась, поняв, что необходимо как-то за-
гладить неудобную ситуацию:

— Прости нас, Ермошенька, мы почему-то думали, что домовятам положено без штанов... Ой! Извини... — Оля совсем запуталась и уже не знала, как продолжить разговор, но тут совершенно неожиданно на выручку пришёл Сэмми.

Негритёнок, как всегда кроткий и печальный, тихо подошёл к Ермошке и, как бы извиняясь, протянул ему свои атласные шаровары ярко-василькового цвета:

— На вот, возьми, пожалуйста! Мне бабушка много нарядов нашила, но я всё равно больше всех люблю оранжевые шорты, а эти красивые штанишки лежат без дела в коробке. Носи на здоровье!

— Вы даже не думайте, будто я голохвостый какой-нибудь! — оживился Ермошка. — У меня в хате всякого добра валом завались! Да против таких воров — нет запоров. И крысы это не мои были, а сараешные! А мои-то у меня по струнке ходят, как солдатики служивые! — с этой бравадой домовёнок уединился в игрушечной душевой кабинке, словно в примерочной, задёрнув за собой шторку.

Пока Ермошка примерял обновку, Оля с тревогой думала: «И много ли у него, интересно, таких своих крыс-солдатишков? И где это они, интересно, маршируют? Уж не тёмной ли ночью под кроватью?», её тревожные раздумья прервали дружные аплодисменты и возгласы восхищения.

Ермошка в новых атласных шароварах, подпоясанный потерянной ранее **Варюшкиной** алой лентой, словно кушак, выглядел празднично и браво. С видом победителя он вышел на всеобщее обозрение, не забыв прихватить с собой ратное орудие — вилку.

О том, откуда у пройдохи вдруг взялась алая лента, никто из тактичности спрашивать не стал.

— Ой, какой ты красавец, Ермошенька! — всплеснула руками **Варюшка**, — И моя ленточка тебе очень идёт, носи её всегда, обо мне вспоминай! — как бы разрешая и дальше беспрепятственно пользоваться своей потерей, обронила кукла. — Я уж и смирилась, что никогда больше не увижу эту ленту, а она, ишь, как тебе кстати пришлась!

— Ну, что ж, знатная фафудья!*

— Ох, Ермоша, на каком-то ты странном языке разговариваешь, я тебя иногда совсем не понимаю, — смущённо посетовала Оля.

— Я, касатка, не гляди што малой, а уж вторую сотню лет на земле живу, вот все наречия в голове и перемешались.

— Так ты что, старый? — вытаращила круглые глазопуговки кукла **Варюшка**.

— Неа, по-нашенски мы с Олей ровесники, а таперича я, в таких-то портках, думаю, — Ермошка самодовольно огладил себя по бокам, — великолепен! А значить — к бою

* *Фафудья устар. — здесь, в значении одежда*

готов! — словно театральный герой, пафосно воскликнул Ермошка. — Так, план наступления будет такой: первым пускаем боевого кота Марса! Он гуляет, где хочет: что в доме, что в подполье, хоть по крышам, хоть в сараях.

От такого неожиданного заявления Марсик чуть не подавился собственной лапой. Кот недоумённо поглядел на своего недавнего наездника, потом по сторонам, нехотя встал, неспешно обошёл героя вокруг и, наконец, снова сел неподалёку. Отвернув мордочку и принявшись было снова за любимое занятие — вылизывание лапы, как бы между прочим утробно промурчал в сторону:

— Ермошенька, и с чего это, мрряу, мне вдруг лезть на рожон?

— Марсик, ты разговариваешь? — подумала было удивиться Оля, но, если честно, то теперь кот поразил её не столько тем, что умеет разговаривать, а больше тем, что сопротивляется такому лихому кавалеристу и, по сути, прямому начальнику.

Хитрюга-кот пропустил вопрос мимо ушей, будто разговаривать котам посреди бела дня было так же привычно, как мяукать или гонять бабушкин клубок. Ермошка же в свою очередь вовсе проигнорировал демонстрацию явной кошачьей неохоты вступать в войну с сараешниками:

— Так, не отлынивать мне тут! Слушай мою команду — иди в Кочеборову комнату, да наблюдай там до тех пор, пока не визнаешь, где нашенское добро заныкано! Марш в Шубуршундию без разговоров!

Кот, изображая безразличие, нехотя встал, картинно потягиваясь, но услышав от хозяина: «Пошевеливайся, лодырь, а то буду на твоём загровке по всему двору кататься!», ловко прыгнул на подоконник и был таков.

— А вдруг он вовсе не пойдёт в сарай, а возьмёт да и убежит к соседским кошкам в гости? — с тревогой предположила Варюшка.

— Да что ты! Пойдёт как миленький, он меня послушаться никак не посмеет.

— Но как-то он не шибко послушным-то кажется, — продолжала сомневаться кукла.

— Ниччо, покуражится маленько, потому как он же кот, а не воробей какой-нибудь. А кот — это ж кот, зверь хитрый! Везде пролезет, всё разнюхает, и как будто безразлично ему, а всё ж своего не упустит. Он в Шубуршундии поштишто свой! Так что ждите новостей.

— Да что ж за Шубуршундия такая?

— Страна волшебная, стра-ашная, все тёмные подвалы, ветхие сараи, баньки, углярки, самые малые пристройки...

— И когда ждать-то вестей из сараек с углялками?

— Ну, исходя из опыта, думаю, к утру — в самый раз!

— Это хорошо, потому что в кухне бабуля уже обед собирает, — прислушиваясь к шорохам за дверью, сообщила девочка, — скоро она сюда войдёт и позовёт к столу, — Оля с тревогой взглянула на Ермошку, — после обеда мы с ней посуду перемоем да пойдём огород полоть, потом поливать, бабуля ведром, а я маленькой леечкой. А «с устатку» будем на брёвнышках долго сидеть — «гулять» — отдыхать, с соседями здороваться. После — ужин готовить, книжку читать, и уж до самого сна не расстанемся.

— Ну, тогда — утро вечера мудреней! — Ермошка молодецки присвистнул, топнул ножкой и исчез, словно его никогда и не было в комнате.

АТАКА

Глава седьмая, в которой друзья отважно направляются во вражеское логово, где им приходится вступить в опасную схватку.

Утром Олю разбудили не привычные «потягушечки», а тихое урчание, которое, казалось, отдаётся щекоткой внутри живота, будто девочка сама научилась мурлыкать. Рядом с кроватью на табурете сидел Марсик и сосредоточенно вылизывал лапу, с таким видом, будто делал что-то очень важное. Нехотя отвлекаясь от любимого занятия, вежливо сообщил:

— Доброе утро, мурк! Ваш драгоценный свёрток хранится в Кочеборовых хоромаш — в старых часах. Сам видел, всю ночь глаз не сомкнул, так что можете не сомневаться.

Оле было непривычно и забавно разговаривать с котом, как с человеком, но она была девочкой воспитанной, поэтому в ответ поблагодарила Марсика, хоть ей очень хотелось схватить его на руки, тискать, словно мягкую игрушку, и смеяться. Кот оценил сдержанность маленькой хозяйки и, слегка поклонившись, преисполненный достоинства, удалился.

Но, оказывается, пушистый мурлыка не ушёл далеко, девочка увидела его сразу, как только вошла в бабушкину спальню. Кот свернулся «колобком», став похожим на беличью шапку, которую бабушка носила зимой, покрывая её шалью, и оттого становилась похожа на боярыню из старинных сказок.

Бабушка лежала в постели, тяжело дыша, а серый урчащий клубок покоился на бабушкиной груди, видимо, выполняя функцию грелки. Оле было непривычно видеть бабушку больной, в кровати, ведь она всегда просыпалась ни свет ни заря, была в вечных хлопотах, а теперь вдруг слегла.

— Бааб, — испуганно позвала девочка.

Бабушка повернулась к внучке и слабо улыбнулась:

— Вот, чёта совсем твоя баба закорючилась. Сейчас маленько погодя оклемаюсь, да встану, каши сварганю, покормлю тебя, моя золотенькая.

Оля подошла к бабушке, погладила её седые кудряшки. Лица она почти не видела из-за набежавших слёз:

— Лежи, бабуля, не вставай. Я ведь сама умею и умываться, и кроватку заправлять. Кашу пока не умею, конечно... варганить, но если бы ты мне показала, то, наверное бы, тоже справилась. Зато могу намазать хлеб маслом и сделать бутерброды с сыром.

— Да ты моя помощница! Умничка!

Завтрак вышел у Оли неважный: хлебные кусочки получились кривыми, а сырники слишком толстыми, чтобы считаться бутербродными. Масло тоже то ломалось, то липло к ножу, поэтому получилось «где густо, а где пусто». От чая и вовсе пришлось отказаться, потому как девочка не решилась самостоятельно включить газ, а, разливая компот по чашкам, нечаянно пролила его. Пришлось ещё вытирать липкую розовую лужицу со стола.

Когда Оля принесла завтрак бабушке, та уже спала. В её груди будто раздувала меха порванная гармонь, вместо нужных нот издавая лишь сиплые вздохи. Внучка поставила блюдце с бутербродами и чашку на стул рядом с бабушкиной кроватью, ещё немного послушала всхлипы сломанного инструмента, что жил теперь внутри бабушки, и, крадучись на цыпочках, вышла из спальни.

В Олином закутке, где жили игрушки, без неё никогда не случалось никакого шума или движения, но только не сегодня. Ещё на подходе к детской девочка услышала дружный смех и возню. Настроение у неё было отвратительное, хотелось уткнуться в подушку и громко, во весь голос зареветь. Однако девочка решила не показывать друзьям слёз, ведь теперь она осталась в доме за старшую, по крайней мере, пока не выздоровеет бабушка.

Открыв дверь, Оля застала весьма необычную картину. Под самым потолком верхом на воронёнке летал

Ермошка и кидал в кукол пластмассовыми шариками, словно бомбардировщик. При этом лёгчик издавал та-рахтение с завываниями, изображая то ли сломанный трактор, то ли мотоцикл с пробитым глушителем. Казалось, будто эти адские звуки наводят на живые мишени просто священный ужас, однако и они валялись с ног в судорогах истерического смеха.

Но шутка грозила перерасти в настоящий переполох. Разноцветные снаряды-шарики от сломанных детских счёт били не больно, тем не менее, вводили игрушечный народ в такую панику, точно могли убить. Зая прикрывался своей балалайкой, как зонтом, Варюшка бегала по всей комнате кругами с радостными взвизгиваниями. Джоконя, вспомнив о своей обезьяньей природе, осваивала прыжки по шторам и полкам, чего с ней сроду не случалось, а хитрый Сэмми вообще залез под рояль и лишь изредка высовывался, демонстрируя агрессору язык.

Коварный домовёнок старался бить прицельно и, преследуя жертву, редко промахивался. Впрочем, при внимательном наблюдении можно было заметить, что страх на кукольных лицах — напускной, и все получают от игры огромное удовольствие.

Разгорячённые игроки не сразу заметили девочку, они продолжали бегать, падать, визжать и хохотать, даже тогда, когда понурая хозяйка стояла уже посреди комнаты.

С таким непочтительным озорством со стороны собственных игрушек Оля столкнулась впервые и оттого разозлилась не на шутку:

— Веселитесь, значит? Бабушка лежит больная, не может с постели встать, у меня украли мамин подарок, и теперь вообще неизвестно, что мне за это будет, а вам — нипочём! Ну, спасибочки! За помощь, за поддержку. Друзья, называется!

Веселье моментально погасло, словно кто-то выключил его одним щелчком. В детской повисла тяжкая пауза. Каждый застыл на месте так резко, как будто кто-то всемогущий на несколько секунд остановил время.

Джоконя, забыв убрать с мордашки блаженную улыбку, теперь с самым глупым видом повисла, зацепившись за рамку с Олиным рисунком.

Первым в себя, конечно, пришёл Ермошка, он спрыгнул с воронёнка прямо на Олину кровать (что не прибавило ему плюсов в её глазах) и беспечно сообщил:

— Ну, что случилось-то? Подумаешь прям! Да я, можа, их тренирую! Воспитываю боевой, так сказать, дух. А то, вишь, расслабились без командования, а ведь нам, можа, даж на бой сёдня придётся идтить.

— Вот именно, что «можа даж»! — срывающимся голосом повторила за домовёнком Оля, сглатывая злые слёзы.

Её кукольные детки: **Ва**рюшка, Сэмми, Зая и Джоко-ня — окружили со всех сторон, прижимаясь к Олиным ногам, и пристыженно канючили тоненькими голосами:

— Прости нас, Оленька... миленькая... мы же не знали...

Ко всеобщему удивлению, девочка не стала долго изображать несправедливо обиженную, а быстро мобилизовалась и совершенно деловым голосом скомандовала (кажется, она видела это в каком-то фильме про военных):

— Так, в связи со сложившимися какими-то там невидимыми (наверное, она имела в виду — непредвиденными) обстоятельствами, прошу ответить мне со всей ответственностью, кто пойдёт со мной на операцию по вызволению школьного ранца? Отправляемся немедленно, а то у меня ещё дел куча, это вам, беззаботникам, всё бегалки да прыгалки...

После недолгих колебаний командиршей была выявлена группа захвата. Кроме неё и Ермошки в вылазке участвовали: вязаная кукла **Ва**рюшка, обезьянка Джоко-ня и воронёнок Валера.

К сараю подбирались мелкими перебежками. Джоко-ня сидела на Олином плече, а **Ва**рюшку девочка по привычке несла в большом кармане, специально (чтобы подружки никогда не расставались) пришитом бабушкой к любимой домашней футболке цвета спелой малины. Ер-

мошка летал на воронёнке кругами над двором, словно вовсе не намереваясь посещать никакие сараи.

Дверь в сарай оказалась на замке, но хитрая Оля знала, что старый ржавый навесной замок давно лишился своего ключа и висел просто так, для вида. Девочка не без труда сняла его и вошла в царство сумрака и паутины.

Здесь всё было другое. Особенно запах, состоящий из смеси ароматов. Уютного и знакомого: свежей древесной стружки, мокрой извёстки, которой бабушка часто подбеливала печь. И вместе с тем, тревожного, загадочного: плесени, сырой земли и скрытых где-то от посторонних глаз грибов.

Сквозь щели ветхих стен пробивались тонкие солнечные лучи. Они, как сверкающие золотые нити, резали пространство, делая его ещё более таинственным. В ореоле лучей танцевали миллиарды крошечных серебристых пылинок, словно наполняя помещение живыми облачками.

Вдруг откуда-то сверху, будто обволакивая непрошенных гостей со всех сторон, обрушился невероятный гул и грянуло громогласное: «Бомм-бомм-бомм...»

Оля ощутила, как игрушки испуганно разом вздрогнули и крепко прижались к ней, словно ища защиты. Они не сразу поняли, что это старые напольные часы, что притаились в тёмном углу сарая, неожиданно очнулись, провозглашая миру о том, что сейчас ровно десять часов утра.

Девочка прекрасно помнила эти старинные часы, похожие на башню, куда, если верить сказке, вполне могли заточить маленькую принцессу, если бы та была ростом, например, с куклу **Варюшку**. Раньше они стояли в бабушкиной комнате, точнее, тогда это была их общая с дедушкой опочивальня.

Той ужасной ночью, когда дедушкино сердце навсегда остановилось, — часы тоже остановились, но, видимо, не навсегда, а лишь на время. Ведь теперь, привыкнув к полутьме, Оля и куклы могли видеть, как, нервно дёргаясь, тонкая секундная стрелка бежит по циферблату.

Бабушка не любила часы, называла их «гроб с музыкой» и вынесла с глаз долой. Но выбросить совсем, видимо, рука не поднялась. Да оно и понятно, ведь дедушка так любил «башенку», часто смазывал механизм, подолгу любовался движением разных металлических штуквин внутри. Теперь часы исполняли роль обелиска памяти об утраченном хозяине, а недавно и вовсе ожили сами по себе, вновь тикая и отбивая временные промежутки громким музыкальным боем.

— Не трусь, малышня, это просто волшебные часы и не более того, — успокаивал всех Ермошкин шепот, от которого почему-то становилось ещё тревожней.

Они с воронёнком приземлились в отверстие узкого окошечка под самым потолком сарая. Их силуэты

на фоне светлого прямоугольника, словно вырезанные из чёрной бархатной бумаги, казались приклеенными к белому листу.

— Никакие они не волшебные, чего ты нас пугаешь! — возмутилась Оля, эти часы у нас всю жизнь в доме стояли и никакого волшебства, кроме громкого звона, не вытворяли.

— Дитя, ты многого не знаешь! — насмешливым тоном поддразнивал Ермошка девочку, залихватски прыгая вниз по поленнице.

— Нет, это ты многого не знаешь, дитя, — взвилась Оля, — вот там, в нижнем отделении, где длинный маятник, вполне может, как в шкафчике, уместиться мой ранец, нужно только открыть ключом... Только где ж его теперь искать...

— Пойдёмте, попытаемся открыть, может, дверца и не заперта вовсе, — предположила Варюшка, — ведь как-то они свёрток туда положили.

Оля медленно, как бы прощупывая под собой вязкую топь, точно шла по болоту, выбирая твёрдую поверхность, двинулась вперёд. Таинственную тишину нарушил какой-то непонятный треск, похожий на стрекотание кузнечиков в траве. Однако эти невидимые кузнечики быстро прибывали, потому как треск усилился многократно и, казалось, звучал со всех сторон.

Вместе с нарастающим шумом ожил и сам старый сарай, казалось, что стены, пол и потолок бьёт мелкая дрожь. Приглядевшись, Оля чуть не обмерла от ужаса. Она не могла поверить глазам: всё пространство вокруг кишело отвратительными тварями, которых она боялась больше всего на свете — это были двухвостки.

Даже когда встречала на своем пути всего одну вилохвостую козявку, девочку охватывал ужас. Сейчас же, при виде тысячи омерзительных насекомых, она была готова упасть в обморок. На ногах её держал всё тот же страх, ведь если повалиться на пол, то окажешься в самом жерле, кишачем многоножками. К тому же она была надеждой и опорой ещё более беззащитным: Варюшке и Джоконе.

Ермошку она в беззащитные при всём желании никак записать не могла. Озорник наносил вражеской армии нешуточные потери. Вскочив на круглое полено, он, словно эквилибрист в цирке катался на нём, как на цилиндре, быстро перебирая ногами. Полено, будто катком бульдозера, давило членистоногих, оставляя за собой лишь маслянистую дорожку.

Герою активно помогал бесстрашный ворон Валера, однако он не давил, а жадно клевал двухвосток, словно не ел несколько суток. Осмелев, глядя на товарищей, Оля тоже оттаяла от заморозившей её жути и стала давить ногами недругов.

— Это неспроста, Оля, на нас такое полчище полезло. Ох, неспроста, — предположила Варюшка. — Видать, сараешники свои козявошные войска на нас направили, чтоб мы подарок никогда не нашли.

— Ну, тогда хочешь не хочешь, а нужно как-то к часам продвигаться, — прошептала в ответ девочка и пошла вперёд, стараясь не обращать внимания на противный хруст под ногами.

Вилохвостики стали массово разбегаться и прятаться по щелям, видимо понимая, что теперь остановить Олю они не в силах. Но когда до часов-башенки было рукой подать, путь преградил уже знакомый крысёнок Куц.

— Стой, глупая человеческая девчонка, тебе говорят, стой! Нету там твоёва супрыза. Я ж те обещал, што погрызём его, вот мы всё начисто и сгрызли.

Но в девочку вселилась такая отвага, что после ненавидимых ею двухвосток теперь всё было нипочём:

— Ну, вот сейчас и посмотрим, погрызли или всё-таки не по зубам!

Оля смело отпихнула крысёнка ногой и двинулась по направлению к своей цели. Но серый комок зла решил во что бы то ни стало не пускать девочку к часам. Не долго думая, Куц вцепился зубами в Олину ногу. От неожиданности и боли девочка взвизнула.

Помощь пришла незамедлительно. Домовёнок подскочил к обидчику и воткнул острую вилку прямо в толстый серый зад. Крысёныш высоко подскочил с громким противным писком. Отбежав на безопасное расстояние, Куц по своему обыкновению принялся грозить домовёнку:

— А ты шибко тут не хорохорьси, как бы, сам знаешь, не пришлось бы горько плакать. Щаз придут твои дядья-колдуны — никому не поздоровится.

Вместо ответа Ермошка запустил в крысёнка полешком и, судя по приглушённому стуку и недовольному верещанию, видимо, попал.

Оля уже протянула руку, чтобы открыть дверцу часов, как она вдруг распахнулась сама собой.

ПРЕВРАЩЕНИЕ

Глава восьмая, в которой происходит вовсе невозможное, и друзей посещает отчаяние, однако они, вопреки всему, продолжают бороться со злом.

Словно на порог маленькой хижины из часов вышли двое. Один, постарше и повыше, с чёрной клочковатой бородой и недружелюбным колючим взглядом из-под седых бровей, явно был хозяин сарая Кочебор Колядыч. Рядом с ним вился व्यюном, ни секунды не оставаясь без движения, огненно-рыжий кудрявый Свирка.

— Ну, что ж, друзья, раз вы тонких намёков не понимаете, будем с вами по-взрослому разговаривать, — угрожающе проскрипел старший.

— Какие ещё тут могут быть тонкие намёки, — вспылила Оля, наверняка, полностью не осознавая, что осмеливается спорить с двумя опасными волшебниками, ростом хоть и не выше ведра, но от которых вообще неизвестно, чего можно ожидать. — Это же вы первые начали! Украли мамин подарок и не отдаёте!

Вместо ответа Свирка приложил палец к губам, призывая девочку немедленно замолчать, но Оля покоряться

не собиралась. Однако губы вопреки её воле крепко-на-крепко слиплись, и вместо сердитых упрёков изо рта доносилось лишь невнятное мычание.

— Это так ли тебя бабушка учила со старшими разговаривать? — ехидно посмеиваясь и будто приплясывая, поинтересовался рыжебородый. — Вот и помолчи пока.

Затем оба волшебника повернулись к Ермошке и стали разговаривать только с ним, причём так, словно больше ни одной живой души рядом не существовало. Слова их были резкие, как удары плетью. Несчастный мальчик, кажется, даже морщился от боли. Однако изо всех сил храбрился, пытаясь не пасовать перед взбешёнными сараешниками. А испугаться было отчего...

Колядыч сверкал колючими глазёнками, которые сделались совсем белыми и оставляли во тьме фосфоресцирующие дорожки:

— Ты, маленький неразумный мышонок, как ты посмел явиться человеческой девчонке! Ты повинен в самом страшном злодеянии — ты навлекаешь беду на весь наш род. Али ты не знаешь, что НИКОГДА, даже под страхом забвения, ни один дух: ни домашний, ни дворовой, ни лесной, ни водяной да никакой — не должен показываться на глаза людям! Иначе ждёт кара неминуемая!

— Так что уж не обессудь, милок, наказан будешь, так и знай, — поддакивал исподтишка рыжий Свирка.

Кочебор Колядыч рассвирепел не на шутку, вопреки небольшому росточку, казалось, что он нависает над всеми и клокочет, будто чёрная грозовая туча:

— Ничтожные разнеженные домашние глупыши! Не стоило большого труда заманить вас в ловушку. Или вы на самом деле решили, что нам, суровым сараешным духам, понадобились жалкие девчоночьи пожитки? Да и ей теперь пёстрая шутовская сумка навряд ли понадобится. Сейчас я заведу волшебные часы, и через сутки она навсегда забудет себя, свою бабуку, всю свою жизнь. — Кочебор обратился сначала к брату: — Свирка, как ты там, на бабуку — крепкий морок навёл? — Получив в ответ утвердительный кивок, перевёл свой страшный светящийся взор на дрожащую девочку.

Оля стояла ни жива ни мертва, ровно Снегурочка, которой только ещё предстоит ожить, потому как не чувствовала одревеневшего тела и не могла пошевелить даже пальчиком. До неё до сих пор плохо доходил смысл происходящего, но то, что сейчас свершится что-то непоправимое, она чувствовала всё сильнее с каждой тягучей секундой.

Кочебор исподлобья, не мигая, вперился в Олю стылым змеиным взглядом и принялся колдовать, прищёлкивая крючковатыми пальцами. От каждого щелчка в сырую тьму сарая сыпались искры, будто, затухая, новогодний

бенгальский огонь выплёвывал последние порции праздничного веселья:

— Кронос-фобос, фемеринус. Гранд-диаблос, барбаринус...

С каждым магическим словом, выпущенным в мир злобным стариком, в Олином сердце умирала одна маленькая надежда, да и сама она становилась всё меньше, меньше, пока не сравнялась ростом с домовёнком Ермошкой.

Кочебор Колядыч и его пособник Свирка, наоборот, будто выпивая силу и стать из девочки, становились всё выше и выше. Вскоре они уже стали ростом с детей подготовительной группы детского сада, так что их вполне могли бы принять за обыкновенных низкорослых дедушек. Стены сарая росли, становясь высоченными, как в средневековой замке, а сама девочка, казалось, погружалась в глубокую яму.

Наконец страшные изменения остановились. Оля удивлённо оглядывалась вокруг, не узнавая привычного мира. Кукла **Ва**рюшка, обезьянка Джоконя, воронёнок Валера стали ростом вровень с ней, они испуганно жались к гигантской поленнице, похожей теперь на египетскую пирамиду. Ермошка стал даже выше самой Оли, но он не прятался, а отважно заслонял её от злых великанов.

Время стало понемногу оттаивать, и девочка с трудом смогла пошевелиться. Ермошка крепко сжал её руку, как

бы давая понять: не трусь, всё ещё будет хорошо. Но Оля начинала осознавать, что ничего уже никогда не будет хорошо, и никогда не будет, как прежде. От этого чудовищного прозрения она обмякла и в полном бессилии готова уже была повалиться на грязный пол сарая, но сильные руки Ермошки подхватили её, не давая упасть.

Огромная живая глыба, в которой с трудом узнавался Кочебор, оглушила откуда-то сверху:

— Отныне у вас будет масса времени поиграть вместе, голубочки, хоть целый век, али два, али десять, а вот старой хозяйке осталось недолго, — с этими страшными словами великан снял с шеи ключ на обтрёпанной верёвке и стал заводить старые часы, которые отзывались на каждый поворот ключа таинственным печальным звоном. — Ну вот, с каждой секундой с каждым часом из старой хозяйки будет уходить жизнь, а из девчонки, увидевшей духов, будет уходить память о всей прошлой жизни, пока она не станет таким же духом как ты, подженишник ничегошный! — Кочебор указал на Ермошку чёрным загнутым ногтем, похожим на коготь хищного зверя.

После беспощадного приговора Кочебор повесил ключ на шею и, тот затерялся в зарослях клочковатой бороды. После этого сараешники, не сговариваясь, схватили друзей, как маленьких щенят, и одного за другим бросили в большую клетку, в которой когда-то жили Олины хомяч-

ки. Девочка лишь успела бросить взгляд на циферблат часов и с удивлением отметила, что теперь часы, оказывается, идут в обратную сторону.

Клеть с узниками оставили в углу сарая, даже не удосужившись как следует запереть. Свирка лишь завязал огромными конопатыми ручищами гигантский узел из шнура от старых Олиных кроссовок. Конечно, такой узел не под силу теперь было развязать никому из коротышек.

— Мать к ним носу не кажет, калачом её сюды не заманишь, так что скоро мы властвовать станем, — приговаривал конопатый, затем, игриво обращаясь к Оле, осклабился, — а ты, деваха-растрёпа, как маленькая бабка-ёжка, вот так и будем тебя звать. А что, подходяще! Будете два домовёнка: Ёжка да Ермошка!

После того, как злодеи убедились, что никто из узников из тюрьмы не выберется, радостно обнялись, притопнули и одновременно исчезли. В наступившей жутковатой тишине было слышно жужжание мух, дальние шорохи в мышином царстве, да тиканье волшебных часов, что отсчитывали последний день в жизни бабушки и внучки.

Оля тихо прислушивалась к себе, пытаясь уловить происходящие в ней изменения, и никак не могла представить, что она может навсегда забыть любимую бабушку, маму и всю прежнюю жизнь. Кем она станет без своих воспоминаний, ещё одним озорным домовёнком? Да и будет

ли это она — Оля? Скорее всего, нет, это будет ещё одна маленькая живая кукла, невидимая озорница Ёжка, таскающая чужие значки и конфеты ради развлечения.

Варюшка тёрла кулачками глаза-пуговицы и всхлипывала. Джоконя прыгала по клетке, ища лазейку, но никак не находила. Ермошка тоже заметно скис и молча сидел на корточках в углу клетки, уткнувшись лицом в колени. Оле даже иногда казалось, что он прячет слёзы. «Наверное, ему жалко его оружия, боевой вилки, которую у него отобрали злые стариканы», — подумала Оля. Однако тут Ермошка поднял мокрое лицо, и уже не стесняясь и не пряча слёз, обратился к девочке каким-то чужим придавленным голосом:

— Прости меня, Оля, пожалуйста, если можешь. Это я один во всём, во всём виноватый! Мне просто очень-очень хотелось с тобой подружиться. Чтобы ты узнала меня... — Ермошка запнулся, потерялся в словах и снова уткнулся в свои острые коленки.

— Наверное, нам будет весело с тобой вдвоём. Но, боюсь, это буду уже не я, — печально пробормотала девочка, вовсе не радуясь, что вновь обрела способность говорить.

— Не сдавайся, Оля, мы должны их победить, — к Ермошке также вернулись его звонкий голос и забавная самоуверенность.

— Но как?!

— Надо успокоиться и наметить план! А сейчас дружно считаем до десяти.

— А я до двадцати умею!

— Ну, тогда погнажи.

После того как все дружно досчитали до двадцати и заметно успокоились, в вязанную Варюшкину голову пришла гениальная догадка:

— Ермоша, а почему ты вообще дался злым и позволил себя в клетку посадить. Ведь ты же не раз похвалялся, что можешь из любого места в один миг переместиться в родной дом.

— Я и сейчас могу, да только как же я вас брошу. Нехорошо это!

Оля на секунду задумалась и предложила:

— А что если тебе сигануть домой, на кухню, да прихватить по своему обыкновению с собой, например, любимый бабушкин маленький ножик, которым она всегда картошку чистит, а потом вернуться к нам и разрезать узел. Ну, а когда мы выберемся, то будем дальше думать, как действовать.

После этих слов Ермошка исчез и появился буквально через пару секунд, так быстро, что даже никто не успел и опомниться.

— Режь смелей, Ермоша, — подбадривала товарища Оля, — я сама видела, бабушка вчера только этот ножик наточила.

Пока домовёнок пилил узел из старого шнурка, невольников охватило оживление, и в их сердцах замаячила надежда. Когда дверца клетки распахнулась, друзья кинулись наутёк, увлекаемые Ермошкой в сумрачные сараешные дебри.

Они улепётывали со всех ног по каким-то тёмным коридорам, сырым и затхлым закоулкам Шубуршундии. И каждый раз им казалось, что злые сараешники их непременно сейчас обнаружат, догонят и убьют. Бежали задыхаясь, урывками, как попало, падая и путаясь в липкой

паутине, их гнал жуткий страх, но одновременно Оля ощущала порывы необъяснимого азарта и какого-то злого веселья, что накатывали вопреки ситуации. «Это, наверное, началось моё перерождение в Ёжку», — мелькнула в её голове пугающая догадка.

— Ермоша, скажи, пожалуйста, куда мы так бежим? — удалось ей спросить при короткой передышке.

— В погребной хуторок к Збигне-богатею. Он всё про всех знает. Ежели удастся его разговорить-разжалобить, то просветит. Узнаем тогда, чего злыдни сарашные удумали.

ЗБИГНЯ И ЕГО ЗАКРОМА

Глава девятая, в которой друзья попадают в гости к хозяину подземного погребка и узнают о пророчестве из старой волшебной книги.

В погребке у Збигни обстановка была, как в старинном английском особняке. И вовсе не понятно было Оле, почему, когда она раньше спускалась вместе с бабулей в погреб, то он казался ей неуютным и наводил страх. Теперь здесь выглядело всё совершенно по-другому. Полочки, комодики, кресло-качалка с клетчатым пледом. Нет, ну этого явно не было во время их с бабушкой посещения погреба, когда они расставляли по полкам смородиновое варенье. И как же, кажется теперь, это было давно, будто совсем в другой жизни.

— Ишь ты, знатная комнатая, — восхищённо присвистнул Ермошка, оглядываясь, — а с виду-то по-банному крытая*!

Да и вправду, разве думала когда-нибудь беззаботная глупая Оля, что может стать размером меньше кота

* здесь — простовата.

Марсика, а бабушка уснёт беспробудным сном. И все эти страшные и необъяснимые события произойдут только из-за того, что она, не по своей даже воле, увидела крохотного мальчишку вылезающего из старого валенка, или, может, всё случилось из-за того, что она без спросу полезла смотреть сюрприз, который от неё спрятали, чтобы потом ей же и подарить? Глупо всё и обидно!

«Нет, это я сама виновата во всём, что случилось. Одна ложь порождает другую, ещё большую! Не полезла бы в кладовку за подарком, не попала бы в сарай. И как, оказывается, хитрым сараешникам легко заманить в ловушку глупую девочку», — размышляла Оля, скорчившись на большом кованом сундуке, передыхая от заполошной беготни.

Сам хозяин погребных хором, несмотря на то, что значился духом своего невеликого, но всё-таки подземелья, никакого страха не внушал, а наоборот вызывал добрую улыбку. Збигня был толстым лысым человечком с прищуром хитрых глаз и быстрым мягким сбивчивым говорком. Одет он был в добротный костюм и напоминал героя старого водевиля. И хоть человечек говорил порой непонятные слова, смотреть на него было не то что бы приятно, а как-то успокаивающе, что ли.

— Збигня-друг, скажи нам, чего ж это дядья совсем озверели-то? Ну, виноват я — понятно. Дык ведь и раньше случалось, что люди домовых увидят, даж и поговорят

(ет, конечно, реже). Но ведь никто их за то не превращал, не дело ж — с людьми-то воевать. Понимаю там нож спереть аль ложку спрятать, но чтоб так, до смертоубиства, до истребления природы человеческой... Что ж с ними произошло-то, объясни ты мне, глупому, — отчаянно вопрошал Ермошка.

— Ты, Ермошечка, стал-быть, сам рассуди — какая кому выгода? Сараешники всегда говорят меньше, чем знают. Они ж к диким духам гораздо ближе, а те много знают того, что нам неизвестно. Да вы им вместе с девчонкой и даром не нать! Другой тут у них, видно, интерес. Домом они хотят завладеть, вот чего! Хотят все наши владения превратить в один большой заброшенный сарай.

— Збигня, скажи-просвети, прочитай в своей Большой книге, что нам нужно сделать, чтобы остановить злодеяния?

Толстяк почесал лысину, неопределённо пожал плечами и стал хитро вглядываться в глаза собеседника:

— Так-так. Ну что ж, тебе мои правила известны, оплата, стал-быть, вперёд. Я ведь, сам знаешь, Большую книгу задарма трепать-тревожить не намерен. Что можешь предложить?

Ермошка спал с лица и, опутив глаза долу, тихо залепетал:

— Збигня-друг, понимаешь, мы сейчас не в том положении, чтоб торговаться. Ничего у меня нет, даже послед-

нюю вилку злыдни отобрали. У тебя всего полно, не знаю чего и посулить. Ну, хочешь, я тебе отработаю потом, могу погребные помещения расширять, хоть век на тебя батрачить буду, только помоги-подскажи, как беды избежать?

— Никакой мне от тебя услуги и даром не надобно, у меня в услужении вся, стал-быть, кротовая рать состоит. Уж не голодранец, — Збигня самодовольно погладил себя по круглому пузцу, — всего у меня вдоволь, твоя правда.

Видя, что гости совсем скисли и готовы дружно разрыдаться, толстяк удовлетворённо хмыкнул и, потянув паузу ещё некоторое время, отвлечённо предложил, обратившись к Джоконе:

— Эй, чертёнок, слазай-ка на дальнюю полку и достань-ка банку с надписью «ВИШНЁВОЕ. Новый урожай».

Обезьянка, поворчав для приличия, что вовсе она никакой не чертёнок, в один миг добралась до верхней полки и, ловко ухватив банку ногой и хвостом, доставила в руки хозяину.

— Ух, ты! Какой шустрик! Вот его бы мне для компании, а то уж шибко несподручно мне, при моей-то комплекции, по верхам шлындать. А тут, стал-быть, и мне веселей, и чёртику сытно. Не обижу.

Все вопросительно уставились на обезьянку. Ту по всему не пугала перспектива житья в закромах у Збигни, тем более, что она всю жизнь мечтала оказаться в погребе, но у неё явно имелись сомнения:

— Хорошо, я останусь у тебя, но у меня есть условия: во-первых, чертёнком меня не называть, а величать по имени, то есть — Джоконей! Жить я у тебя буду, сколько сама захочу. Во-вторых, давать мне качаться на кресле и прыгать по полкам, а в-третьих... я ещё не придумала, чего в-третьих. Но если придумаю, ты обещаешь выполнить.

— По рукам, — обрадовался довольный сделкой Збигня, которому за сотню лет, что он обживал подземелье, порядком надоела скучная компания кротов.

Два слепых соседа не могли составить достойную партию даже в шашки, а тут весёлая, смышлёная обезьянка! И товарищ, и в хозяйстве подмога. Збигня степенно, не торопясь, отодвинул занавеску у стены, и взору представила Большая книга. Она возвышалась на специальной подставке, в потёртом, издававшим виды кожаном переплёте с медными застёжками и украшениями в уголках. Толстяк, кряхтя от усердия, открыл увесистый том и, нацепив круглые очки, стал нараспев читать заклинания:

— Литос-лингвус, библиамус. Грандос-логос, предсказамус... — Збигня подбавил грозной торжественности в голосе. — Внимайте, вопрошающие, о чём вещает вам Большая книга!

После этого на совершенно пустых ветхих пожелтевших страницах книги стали проявляться чернильные завитки, буквы, строки. Буквы переставлялись, строки

бегали, словно ища себе места, и, наконец, сложились в стройный столбик, испещрённый завитушками.

— Оглашаю:

Коль не хочешь ты забвенья
И от горя околеть,
Знай, не плач, а только пенье
Злыдней может одолеть.
Ключик от часов волшебных
Ждёт в колодезной воде,
Защитит от чар враждебных
И поможет он в беде.
Коль магический хронограф
Времени замедлит счёт,
Вспыхнет огненный автограф,
Жизнь в часах на миг замрёт.
Заведи их с другом дружно,
Как вовек заведено,
Делай то, что сердцу нужно,
И прими, что суждено...

Как только Збигня дочитал последнее слово, буквы стали размываться, таять и вскоре вовсе пропали. Воцарилось напряжённое молчание, каждый силился воспроизвести в голове услышанное.

— Вот я сейчас не поняла, — прошептала Оля на ухо домовёнку, — мы что, сначала должны спеть, потом искать ключ в какой-то воде? А потом вообще белиберда какая-то: делай, мол, что нужно, и принимай, что суждено. Это я, извините, и без книги знаю.

Услышав возмущение девочки, Збигня насупился, захлопнул Большую книгу и задёрнул занавесь.

— Вам, гости дорогие, уже, стал-быть, пора, а нам с Джоконей время полдничать. Вы, герои, бегаєте-воюете, хорохоритесь попусту, а мы, духи спокойные, домовитые. Нам пора подкрепиться, и за работу — учёт вести. Закрома порядок, стал-быть, любят.

Толстяк поманил обезьянку. Джоконя охотно прыгнула к нему на руки, прицепившись, словно детёныш к матери. Оля почувствовала ощутимый укол ревности, но сдержанно улыбнулась хозяину на прощание.

ДЖУНГЛИ

Глава десятая, где друзьям предстоит совершить опасное путешествие через огород, который теперь стал похож на настоящие джунгли.

Решив, что петать им сейчас совсем не хочется, друзья направились к старому колодцу, искать в воде волшебный ключ. Но путь проходил через весь огород. Раньше Оля могла бы запросто добежать до колодца за две минуты. Теперь же дорога шла через густые заросли укропа и петрушки, через лес из разлапистых деревьев, в которых с трудом можно было бы распознать помидоры.

Однако самое страшное оказалось не блуждание в огородных джунглях, а жуткие монстры, что когда-то легкомысленно звались комариками и муравьишками. Отвратительные чудовища сделались величиной с крупных мышей. Одни будто вырастали прямо из-под земли, другие налетали с неба. Отважный Ермошка нашёл в траве детский пластмассовый совок, отмахивался им и защищал девочек, как мог.

Солнце стояло в зените, путников мучила жажда, зной и подступивший голод.

— Ермошенька, давай передохнём хоть немного, — взмолилась Оля и обессиленно осела на тёплый лист подорожника.

— И то верно, чой-то бежим, как оглашенны. Посидите тут в тенёчке. Обождите. Я вам щас провианту надываю. Мы ж доможины — народ работающий, не то что бездельники сараешные, только баклуши бить мастера.

Не прошло и минуты, как Ермошка прикатил из гущи помидорного леса большой ярко-жёлтый плод. Это был томат размером крупнее самого большого арбуза. Ермошка и впрямь оказался весьма ловким и деловитым, так как мыть овощ было негде и ничем, он ловко содрал с него шкурку и выломал большой кусок:

— Держи ладом, касатка! Натрескаемся от пуза, как в ресторации.

Оля вытерла грязные руки влажными листиками мокрицы (хорошо, что они с бабулей не всю выпололи). Солнечная томатная мякоть насыщала и одновременно утоляла жажду. У запасливого домовёнка даже соль с собой оказалась в крошечном мешочке, сшитом из лоскутка.

— Ох, спасибо тебе, Ермошенька, теперь видим, что ты настоящий добродей! Как же я всегда мечтала хоть раз наесться моих любимых помидоров, чтоб прям до отвала, — уплетая за обе щеки, восторженно заметила девочка.

— Ты давай потише, потише, а то дорвёшься, как Мартын до мыла, будешь потом животом маяться, — на-

ставлял её добытчик, весьма довольный тем, что угодил, — я вообще-то ентот силос не шибко жалую, больше до сухариков охочий и до сладенького.

— Ах, вот кто у нас из вазочки шоколадные конфеты таскал, а ведь бабушка всё на меня думала.

— Угомонись, касатка, не греши. Не видал я никаких конхвет. Сроду за руку не пойман. Приведись голодный год, и то буду питаться одними лишь смоквами* да акридами**, яко отшельник, а чужого вовек не возьму, хоть режь!

* смоквами — (устар.) инжиром, плодами смоковницы

** акридами — (устар.) питаться скудно, впроголодь; акриды — род съедобной саранчи, которой по евангельской притче питался Иоанн Креститель в пустыне

Однако смущённый вид, напускная весёлая говорливость и вспыхнувшие пунцовым щёки домовёнка говорили об обратном, но он ни в какую не желал признаваться в страсти приворовывать. Ответить мальчику ехидным сомнением Оле не удалось. Раздался такой грохот, словно на них двигалась армия великанов. Шаги колоссального по размерам чудовища сотрясали землю.

Вязаная кукла **Варюшка**, которая не принимала участие в трапезе, но с удовольствием следила за пикировкой, вдруг подскочила к друзьям, в испуге схватив их за руки.

Помидорная листва зашумела как кроны настоящих деревьев. И вдруг из зелёной гущи, откуда-то сверху, выглянула свирепая собачья морда величиной с небольшой автомобиль. В этой туче, заслонившей небо, Оля с трудом узнала соседского Чарлика, с которым часто разговаривала и любила поиграть в догоняшки. Пёсик сроду не ведал привязи и жил свободно. Все соседи его знали и любили за простодушие и весёлый характер.

Но теперь Чарлик выглядел отнюдь не так дружелюбно. Мало того что он пялил чудовищные, словно банные тазы, глазищи, так ещё и норовил ухватить слюнявой пастью кого-нибудь ради забавы. Он уже чуть было не укусил куклу **Варюшку**.

— Разбегайтесь в разные стороны! — громко приказал Ермошка и, подняв вверх совок, стал самонадеянно грозить псу-великану.

Неожиданно, прямо-таки свалившись с неба, на помощь пришёл верный Ермошкин товарищ-воронёнок Валера. Сначала он оглушил Чарлика внезапным мельтешением крыльев перед глазами. Пёс удивлённо попятился назад. И тут птенец продемонстрировал удивительную смекалку. Спрятавшись в зарослях, гаркнул, подражая голосу соседа:

— Чар-рлик, место! Место, говорю, обор-рмот!

Услышав сердитый окрик хозяина, пёсик забыл про игру и, пристыженно поджав хвост, затрусил домой, точнее, к дырке в заборе, через которую пролез в чужой огород.

— Фу... спасибо тебе, дружище! Ты где запропастился? — поинтересовался домовёнок.

— Некогда рразговарривать! Бегите скорее к колодцу. Сараешники в него выбрросили волшебный ключ. Я прроследил. Они вечерром веррнутся, когда стемнеет. Если до темноты не успеете остановить часы и завести их правильно, то всё — кррах! Кр-рах!

— Эка новость! Ето мы уж и сами знаем. А давай-ка сядь повыше и соглядай окрест. Как злыдни появятся — дай знать. Ну, каркни штоль разов пять. И задержи их, вот как хошь задёрживай.

— Ладно, дрруг, договоррились.

УГРЮША И СПАСЕНИЕ КОЛОДЦА

Глава одиннадцатая, в которой Оле предстоит не только познакомиться с печальным хозяином колодца, но совершить героическое спасение его заколдованного жилища.

Раньше, когда Оля была обычной девочкой, старый колодец казался ей маленьким и низким, но теперь он возвышался, как неприступная крепость. Даже заглянуть внутрь оказалось непросто. Пришлось соорудить возвышение из камней, веток, деревянных брусков, из всего, что можно было найти рядом. Строительство отняло немало времени и сил.

Наконец друзьям удалось забраться на ветхую приступочку, куда обычно ставили ведро, и заглянуть в сруб, но тут их постигло горькое разочарование. Колодец был пуст: в нём не было ни воды, ни Угрюши. Они обессилено опустили на отмокшую и долго обескураженно молчали. Варюшка пробовала захныкать, но даже на это у неё уже не осталось сил. Что теперь оставалось делать, было совершенно непонятно.

Вдруг в наступившей тревожной тишине послышались слабые всхлипы. Ребята, не сговариваясь, вскочили на полочку, моментально сбросив усталость и отчаяние.

— Угрюша... Угрюша-а... — осторожно позвал домо-
вёнок.

Но никто не отзывался, а всхлипы и еле уловимые шорохи стихли. И тут случилось вовсе непредвиденное. Стараясь хоть что-то разглядеть в мглистом колодезном чреве, **Ва**рюшка слишком сильно перегнулась через бревенчатый бортик и плюхнулась на сырое дно.

— Мамочки! — в ужасе вскрикнула Оля и порывалась уже прыгнуть вслед.

— Тихо, дети, тятя в беде не оставит, — Ермошка лукаво подмигнул девочке. — Сигай в бадью, доставлю до конечной станции. — Он придвинул старое дырявое ведро, предлагая сесть туда.

Оля с недоверием посмотрела на мятое жестяное вёдрышко, на ветхую раскосмаченную верёвку, к которой оно было привязано, и невольно поёжилась:

— А удержишь? Уж что-то слишком лифт ненадёжный!

— Не бойсь, своё сокровище не упущу! Ето ты раньше здоровенна была, а щас-то в самый раз! Увидишь, какой я всамделешный силач!

— Да-да, а вот какой ты всамделешный хвастун, я уже и сейчас вижу.

Усаживая подругу в ветхую ёмкость, Ермошка обнял, словно провожал Олю на смертный бой. Тяжко вздохнув, напутствовал:

— Давайте там как-то без меня справляйтесь. Вызволяй из грязи растрёпу тряпошну. Главное помни, важно — ключик раздобыть. Держитесь, я следом буду. А ежели чего — шуми, я враз етому нюне наkostenялю.

Вопреки сомнениям и страхам, Ермошка действительно очень плавно и аккуратно опустил ведро, вращая колодезный ворот с величайшей осторожностью.

Ведро тихонько коснулось вязкого дна, и Оля оказалась в сыром сумрачном колодце по колено в холодной противной жиже. **Варюшка**, надо отдать должное, уже выбралась на кочку посуше и, хоть была перепачкана с ног до головы, не выглядела слишком расстроенной. Наоборот, она улыбнулась Оле и поманила её рукой, призывая перебираться к ней. Когда девочка пересекла заболоченное дно и приблизилась к кукле, то поняла, что та нашла Угрюшу.

В тёмном углу, куда не проникали солнечные лучи, скорчившись, сидело полупрозрачное существо с длинным носом и большими грустными глазами.

— Привет, — робко начала Оля, — ты ведь Угрюша?

Однако вопрос прозвучал больше с утвердительной, чем вопросительной интонацией.

Угрюша упорно молчал, и только иногда искоса боязливо поглядывал то на Олю, то на **Варюшку**.

— Он, наверное, не хочет с нами разговаривать, потому что мы грязные такие, — предположила кукла и принялась смущённо отряхиваться.

— Перестань, **Варюшка**, мы же не виноваты, что у него в доме грязища вокруг.

— А вот и виноваты, виноваты! — неожиданно отозвался колодезник тоненьким и очень обиженным голоском. — Всё, между прочим, из-за вас.

Девочки удивлённо уставились на Угрюшу, а тот взхлёб продолжал обвинять их во всех своих горестях, нарочито заламывая руки, как плохой актёр.

— Если б не вы, то мой колодец был бы полон чудесной холодной водицей. Самой лучшей во всём околотке. Это вам не из ржавых труб-кранов пополам с хлоркой!

— Чем, скажи, мы так тебе насолили? Разве мы забрали воду из колодца? — наперебой стали спорить девочки.

— Да если бы не вы, то не пришли бы сюда злющие сараешники и не заколдовали бы мой домик!

При упоминании о сараешниках Ермошка, что перегнувшись через бортик, пытался следить за происходящим, не выдержал и, ухватившись за ветхую верёвку, стал как по канату спускаться на сырое дно. Ловко спрыгнув вниз, он, как все остальные, оказался в плену вязкого ила. Но запачканные ноги, запах гнили и общее настроение отчаяния не убавили в нём присутствия духа.

Домовёнок принялся с интересом расспрашивать колодезного хозяина, что именно приключилось в его владениях. Угрюша был, на удивление, более расположен беседовать с домовёнком, чем с незнакомыми девчонками, хоть и ростом они были меньше мятого ведра. Он доверительно и словоохотливо расписывал Ермошке свои беды, как давнему доброму товарищу:

— Пришли такие страшные, сердитые. Бурчали-журчали, воду заговаривали. Потом бросили в колодец махонький ключ. Тут водица воронкой взвилась и ушла вся в водоносную жилу. Завалили отверстие чёрным проклятым камнем и ушли восояси. Сколь живу на свете, за все триста лет такого сроду-роду не видывал. Вот и плачу теперича без перерыву. Разве мог я даже подумать, что от меня может вся водица убежать. Не иначе тут без тёмного колдовства не обошлось. Ох, чую, помру я без воды-то, вконец зачахну.

— А почему ж ты на нас сваливаешь, коли это всё деды-чародеи наколдовали? — не унималась Варюшка.

— Да потому что они всю дорогу про вас только и говорили, что мол, вовек девчонке и домовёнку не найти ключа. А значит всё-всё-всё из-за вас!

Взгляды всех участников колодезной истории вдруг разом сосредоточились на одном предмете — округлом тёмном камне. Еле заметное в полутьме голубое сияние,

что исходило от магического булыжника, не оставляло сомнений — это именно он!

Поняв, что непрощенные гости без дополнительных объяснений нашли причину его беды, колодезник тяжело вздохнул:

— Я уж и так его и сяк пробовал сдвинуть, и хоть бы хны. Не поддаётся.

— Да... если бы я оставалась своего прежнего роста, то запросто бы выбросила камушек прочь, а теперь вот... — сокрушалась Оля, глядя в высоченный тоннель колодца с далёким небом вверху.

Неожиданно в безмятежной синеве блеснула бриллиантовая искорка, затем другая...

— Вы видели? Видели?! Это звёзды. Посреди белого дня настоящие звёзды!

Вслед за Олей все тоже подняли головы и уставились в небо. Девочке вдруг стало необъяснимо весело, она вмиг позабыла, зачем вообще находится в сыром ветхом колодце, забыла, какая страшная тягучая боль притаилась в сердце из-за внезапной болезни бабушки, и что близкие слёзы готовы в любой момент хлынуть из глаз.

Вдруг всё происходящее стало похоже на игру и весёлые приключения. Она осознала множество преимуществ нынешнего положения и уже не стремилась во что бы то ни стало вернуть себе прежний облик. «Я ж всё могу! Могу взлететь, как бабочка, могу сквозь стены проходить и ста-

новиться невидимой, да что там, может, и колдовать могу!» — стали приходить в её голову веселящие, как пузырьки газировки, мысли.

Где-то внутри, наверное, там, где помещается душа, словно надувались яркие воздушные шарики, переполняя счастьем. Искорки-звёзды, неотвратимо приближаясь, на миг ослепили разноцветными острыми лучами. Оля стала подниматься вверх, заливисто смеясь.

— Я лечу! Лечууу! — словно обезумев, она, попеременно то пела, то хохотала.

Смешными показались теперь и старый сруб колодца, что совсем недавно приводил в оторопь, и сырой болотный воздух, и шум далёких деревьев-великанов. Ещё сильнее веселили недоумённые ошарашенные лица друзей, испуганных её странным поведением. Она взлетала и смотрела на них сверху вниз, а они становились всё меньше и меньше. Пуще всех умилял трогательный полупрозрачный колодезник, который даже в состоянии крайнего изумления не переставал быть похожим на театрального трагика.

«И чего они все таращат глаза с таким ужасом, будто меня схватил дракон!» — удивилась девочка, и ей вдруг захотелось сделать для друзей что-то очень хорошее, чтобы развеселить и успокоить их, особенно несчастного заплаканного Угрюшу.

— Эй, Угрюшка — мягкая игрушка! Смотри-и! — и она сделала в воздухе пару заковыристых кувырков.

Однако кульбиты вовсе не обрадовали никого из друзей, а, кажется, напугали ещё сильнее. Порываясь во что бы то ни стало развеять всеобщее уныние, Оля схватила золотой солнечный луч, и, совершенно не задумываясь, как такое вообще возможно, потянула его, словно нить, вниз — в жерло колодца.

Сверкающая солнечная струна осветила мрачное жилище колодезника, одновременно выявив и всю его убогость. Тогда Оля обвязала волшебной нитью жутковатый чёрный камень. Уверенно скомандовав: «Прочь его! Вон из колодца!», как ракета, взмыла вверх, увлекая за собой страшный груз на тонкой золотой нити.

Лишь огненная искорка успела промелькнуть перед изумлёнными взорами свидетелей настоящего чуда. Заколдованный булыжник улетел в неизвестном направлении, освободив водоносную жилу.

Моментально ожили спрятанные в глубине источники. Не дав опомниться, вода заполнила всё пространство колодезного сруба. В скоростной водяной воронке, словно попав в барабан включенной стиральной машины, беспомощно барахтались Ермошка, кукла Варюшка, сам хозяин освобождённого жилища и какой-то мелкий металлический предмет, поднятый из недр силой водяного потока. Первым опомнился Угрюша, который, как коренной житель водного царства, не мог утонуть или захлебнуться:

— Э-эй, фея! Фея-я-я! Помоги ребятам!

ВРЕДНАЯ ФЕЯ

Глава двенадцатая, в которой Оля превращается во вредную фею-озорницу и забывает, кто она на самом деле.

Оля не сразу поняла, что обращаются именно к ней, но зато моментально сообразила, что друзьям необходима помощь. Подлетев к месту бедствия, она с лёгкостью выдернула Ермошку и намокшую, отяжелевшую вязаную куклу из кипящего водоворота.

Мокрые насквозь и уставшие, они лежали на траве, тяжело дыша, но всё же это не мешало им радоваться спасению. Ермошка, сверкая счастливыми глазёнками и улыбаясь во весь рот, протягивал Оле драгоценную добычу — заветный ключ, выхваченный им из водяной карусели.

Однако девочка никак не реагировала на драгоценный трофей, её заботило совсем другое.

— Как? Как ты меня назвал, водяной дух? — настойчиво интересовалась она у довольного Угрюши, что наблюдал сцену вызволения утопающих, присев на бортик своего колодца.

— Фея. Фея Золотого Луча... наверное... — потупился полупрозрачный колодезник.

— О, да! Да! Так и зовите меня — Фея Золотого Луча, мне нравится! Даже очень! — упивалась своим новым необычным состоянием, веселилась Оля. Девочка продолжала кувыркаться, не касаясь земли и радостно похохатывая.

Впрочем, Ермошка совсем не разделял веселья, наоборот, чем дольше он наблюдал её воздушные выкрутасы, тем серьёзнее становился:

— А как же тебя раньше звали? — задал он совершенно неожиданный вопрос.

Оля, вдруг на миг зависнув в воздухе, задумалась. В недоумении она молча опустила на траву. Девочка хмурила брови и даже легонько стукнула себя по лбу, будто могла таким образом помочь забытому имени выскочить наружу. Но сколько бы она ни старалась, никак не могла припомнить своё имя.

— А зачем нам ЕТО необходимо было срочно найти? — Ермошка открыл ладонь, на которой лежал старинный ключ и демонстративно поднёс его к самому Олиному носу.

— Да что с вами? Зачем мне вообще какие-то ключи? Я теперь фея и могу в свой дом прям сквозь стену попадать, а захочу — через трубу влезу, как Санта Клаус, — насмешливо хмыкнула девочка и жеманно дернула плечиком.

— Так ты говоришь, что ТЕПЕРЬ фея, а раньше? Раньше кем была, помнишь? Помнишь, что вообще с тобой

случилось? — не на шутку всполошилась кукла, которая успела немного подсохнуть на закатном солнышке.

Оля крепко задумалась, но как она ни пыжилась, не могла припомнить вчерашнего дня, и даже эпизоды недавнего утра вспыхивали, как неясные, смазанные кадры, и тут же падали в туманное небытие.

— Ясно! — сокрушённо покачал головой Ермошка. — Началось! Она стала забывать себя, и времени, по-видимому, у нас совсем мало!

— Оля! Оля! — не унималась не на шутку испуганная Варюшка. — Нам же нужно срочно в сарай, нужно бабушку спасти...

— Не хочу я ни в какой сарай, — легкомысленно напевала, взмывая над их головами, девочка-фея.

Кукла округлила и без того круглые глаза-пуговицы и уже готова была расплакаться от страха и отчаяния, как вдруг ей в голову пришла замечательная мысль:

— Ермоша! Ермошенька, я знаю, что нужно делать! Ты же настоящий домовой и можешь из любого места в родные пенаты переместиться. Срочно дуй в бабушкину комнату и тащи сюда маленькое фото в голубой рамке. Оле нужно какое-то важное напоминание-крючок, чтобы она зацепилась и вынырнула из этого страшного беспамятства.

Вдруг ребята одновременно заметили лёгкое шевеление в помидорных зарослях, Угрюша не стал дожидаться

новых неприятностей и без прощания бесшумно удалился вглубь водяного жилища.

Из огородных кущ вышел, точнее, выпрыгнул кот Марсик и принялся гоняться за порхающей девочкой. Кот пытался напасть на добычу в прыжке, зацепить её лапами, словно птенца-переростка. А новаявленная фея, громко хохоча, ловко уворачивалась от преследователя, подлетала выше и дразнила обезумевшего Марсика, кидая в него зелёными ранетками.

Наконец, первый шок от вида летающей хозяйки прошёл, и Марсик ошарашено присел, не спуская глаз с невиданного чуда.

— Ну, что? Угомонился, тигр комнатный? — раздражённо спросил кота Ермошка. — Хватит уже развлекаться.

— А чего это с ней, а?! — только и смог вымолвить кот, продолжая дыбить шерсть на загривке.

— Чего-чего, не видишь, штось — заколдована. Причём крепко. Придумай лучше, как нам её к сараю подманить, а то у нас времени уже совсем мало осталось.

— А чего тут думать-то. Для этого есть проверенные способы. Вот если меня, например, хотят выманить из под дивана, то действуют такими путями: первый — это потрясти коробкой с сухими вкусняшками, как погремушкой. Чтоб они громко так... Вообще безотказно работает! Второй — нужно привязать бумажку к длинной ниточке. И так водить перед носом, пото-ом я ка-ак — прыг!

— И что? Срабатывает?

— Верня-як! Вот столько лет уже этот трюк знаю, вот всё-всё головой-то, кажись, понимаю... ан, нет! Каждый раз, мр-мяу, сопротивляться не властен. Можно ещё клубком её выманить или заводной мышкой...

— Да не слушай ты его, Ермоша. Это всё какие-то кошачьи уловки! — всплеснула руками **Варюшка** и кивнула на подругу, парящую в районе кустарников. — А у нас тут вон, летучая хулиганка. Ничего не помнит...

Договорить **Варюшка** не успела, так как зелёные ранеточные снаряды полетели и в неё. Вязаная кукла не испытывала боли от ударов, но ей было обидно получать такое от лучшей подруги.

Но Ермошка отнёсся к словам кота более внимательно:

— А ты, котофей-котофейч, не так уж и глуп. Игра! Вот что может её увлечь. Постарайтесь поиграть с ней в догоняшки и подманите к сараю, лучше, конечно, внутрь сарая, а я сломя голову помчусь фотографию добывать. Чем чёрт не шутит, можа, и выгорит у нас думка-то!

Варюшка могла бы предположить, что домовёнок, по своему обыкновению, иронизирует, но серьёзное сосредоточенное выражение его лица говорило о том, что ему не до шуток.

— На, лови! — Ермошка кинул кукле пойманную на лету ранетку, одну из тех, которыми безумная Оля щедро обстреливала товарищей.

С этими словами домовёнок просто исчез, предоставляя кукле решать задачу вовлечения взбалмошной феи в игру самостоятельно.

Варюшка размахнулась и изо всех сил отчаянно кинула снаряд в сторону зависшей в воздухе озорницы. Кукла, конечно же, не добросила до цели, но явно удивила соперницу и возбудила недюжий интерес. Смекнув, что Оля не против продолжить игру, кукла судорожно набирала в подол сарафана разбросанные тут и там ранетки. Делать это ей пришлось под обстрелом недозрелой «шрапнели» да издевательских насмешек сбрендившей подруги.

— Куколка-красавица, мокрая курица, вам вот так понравится? Не гуляй по улице! — с этими словами бедовая фея кувыркалась в воздухе и прицельно стреляла в куклу ранетками, попадая именно по макушке.

«Нет, нет, Оля, ты же не такая на самом деле! Я же помню тебя, родную, заботливую. Нет, я не буду верить, что вот эта злобная ведьма и есть ты! Я спасу тебя, ты снова станешь прежней хорошей доброй девочкой!» — думала **Ва**рюшка, поджав от обиды вышитые красной ниткой губы.

— Эй, Марсик, ко мне! Быстро! Сегодня я твоя наездница! — скомандовала **Ва**рюшка коту, и как заправский жокей вскочила на его пушистую спину. — Гони к сараю!

Гарцевать на таком быстром «коне», как Марсик, оказалось гораздо сложнее, чем предполагалось. Одной рукой

кукла держалась за его длинную дымчато-голубую шерсть, на что «боевой кот» реагировал болезненно, постоянно оборачиваясь и рыча: «Не дёргай! Фрр-фрр... Кому говорю! Себе за косу подёргай!»

Одновременно Варюшке приходилось доставать ранетки из нагрудного кармана, кидать в сторону вьющейся рядом феи, ещё и подзадоривая ответными дразнилками: «Фея солнечных лучей, ты ничья, и двор ничей! Никуда я не уйду, в лоб ранеткой попаду!»

В пылу сражения они быстро достигли желанного пункта. Умный Марсик, как бы спасаясь от погони, заскочил в сарай. Не подозревающая ни о чём в пылу атаки Оляфея легкомысленно влетела внутрь.

В ту же секунду вход в сарай закрылся, и это была полностью заслуга Ермошки, что притаился за дверью. Он уже несколько минут ждал друзей, прижимая к груди карточку в голубой рамке.

ВОЛШЕБНЫЕ ЧАСЫ

Глава тринадцатая, в которой друзьям предстоит бороться со злыми колдунами, покорить высокую башню и совершить настоящее волшебство.

— Поть сюды, растрёпа. Глянь, чево покажу, — домо-вёнок сунул в руки феи, озадаченной панибратским обращением, заветную фотографию.

В тот же миг надменная жеманница стала буквально на глазах превращаться в прежнюю Олю. Она глядела на фото, взгляд её прояснялся и теплел, лицо будто оттаивало, принимая знакомое доброжелательное серьёзное выражение. Девочка тихо ахнула и заплакала, словно встрети-лась с дорогим человеком после долгой-долгой разлуки.

Оля пристально вглядывалась в изображение: они стоят вдвоём с бабушкой, обнявшись, освещённые ярким солнцем. Счастливые. Оля в праздничном синем платье с белым кружевным воротником (его бабуля сама крюч-ком связала). Радостно вместе держат коробку с тортом — приз, который Оля завоевала за лучший рисунок на ас-

фальте. Этот конкурс каждый год проводят первого июня в парке на День защиты детей. «И от кого только, интересно, нужно защищать этих детей? Наверное, от вредных сараешников», — промелькнула в Олиной голове неожиданная мысль.

Закоренелый провокатор Марсик, намеренно задевая хозяйку пушистым хвостом, вился рядом и, как бы невзначай, спросил:

— И как же такую девочку красивую зовут, уж не Фея ли золотого луча? А, может, Ёжка?

— Ой, отойди Марсик, не до тебя! Бабушка сейчас одна, больная, и неизвестно, что там с ней. У меня сердце просто разрывается. Так, кто помнит пророчество из той волшебной книги? Нам же срочно нужно действовать! Ну, вспоминайте, вспоминайте же! Чего-то там... про ключик в колодезной воде, так, но это уже было. Проехали! Чего-то огненное вспыхнуть должно, про какой-то автограф (что это вообще такое?) время замедлится, жизнь замрёт. Нет! Так, наверное, совсем плохо будет, если всё замрёт. Заведи их с другом дружно. Вот, что точно помню! Потом совсем ерунда какая-то, делай, мол, как нужно, и прими, что суждено, что ли?..

Не только Марсику, но и всем остальным стало яснее ясного, что Оля вспомнила не только своё имя, но и многое из того, что вообще никто уже не мог припомнить.

— Умница Олечка, — запрыгала от восторга Варюшка, — наконец-то ты пришла в себя! Давайте скорее, заведите эти часы так, чтобы стрелки пошли в правильную сторону...

Ребята озадаченно столпились у подножия волшебных часов. Теперь это был не просто напольный хронометр — любимая дедушкой деталь интерьера, а высоченная башня, взобраться на которую пока не представлялось возможным. Они стояли, задрав головы, и каждый рисовал в мыслях свой план покорения вершины.

Самая длинная секундная стрелка, как сумасшедшая, судорожно дёргаясь, торопилась обежать золочёный циферблат вопреки привычному направлению.

— М-да... — задумчиво произнёс домовёнок. — Нам бы сейчас весьма сгодились бы летательные умения одной чудесницы.

Под стрелами сердитого взгляда-окрика, что метнула в него кукла, Ермошка подавился последними словами, поняв, что сморозил глупость, ведь Оля едва-едва опомнилась от наваждения.

Внезапно, пока наши друзья строили планы покорения заколдованных башенных часов, дверь в сарай распахнулась и внутрь ворвались оголтелые великаны-громадины.

— Тикай! — успел только крикнуть Ермошка, но было слишком поздно — злобные старикашки накинули на друзей рыбачью сеть.

Только тогда до несчастных дошло, что где-то далеко на улице во всё воронье горло давно уже горланит Валера: «Карраул! Сарраешники!»

Когда узников водворяли в уже знакомую им клеть, Оля шепнула Ермошке на ухо: «Ермошенька, злыдни, на-верняка, уже знают, что ключ у тебя. Ты же настоящий до-мовой и можешь в любой момент оказаться в родном доме. Удирай, пока они не успели опомниться. В дом они не су-нутся. О нас не думай. Главное, чтобы ключ снова не очу-тился у них!»

Взгляд Ермошки был и растерянным, и испуганным одновременно. Но выхода и на самом деле не было, он по-нимал, что девочка права. Поэтому без лишних слов про-пал, только его и видели.

Исчезновение собрата не осталось незамеченным, но подлые сараешники расценили это по-своему: «Убёг, ан-чутка! Бросил девок!» Все насмешливые замечания сопро-вождались издевательским хохотом: у Кочебора смех был грубый и каркающий, а у Свирки тихий и дробный, словно кто-то исподтишка сыплет на пол сухой горох.

Оля и Ва~~р~~юшка были вновь посажены под замок, как затравленные животинки в зверинце. Девочка обняла ку-клу, ещё влажную от недавнего купания в колодце. Са-раешники раскрыли Олин ранец, с которого и началась их война, и принялись бесцеремонно копать в содержи-

мом. Они могли сделать это и раньше, но, видимо, рыться в чужих вещах на глазах того, у кого отняли, было злодеям особенно приятно.

Бесчестные древние бородачи напоминали в этот момент малышей-озорников из детского сада, что без спросу залезли в сумку воспитательницы. Они неаккуратно ли-стали книжки, слюнявя пальцы и оставляя грязные пятна на цветных страничках. Распотрошили коробку с цветными карандашами и стали сражаться ими, как маленькими шпагами. Пробовали на зуб ластики и, наконец, как настоящие малолетние забияки, принялись драться за обладание розовым пеналом, украшенным бабочками и блёстками.

Наблюдая вероломное разорение сокровищницы, Оле вдруг захотелось выразить захватчикам пренебрежение и глубокое презрение. Не найдя ничего лучше, она вдруг запела то, что первое пришло на ум:

Самая красивая
Мамочка моя.
Сильно-сильно-сильно я
Так люблю тебя.
Мама мне приносит
Разные конфеты,
Но люблю я маму
Вовсе не за это.

Мама дорогая, ля-ля-ля!
Мама золотая, я люблю тебя!

— Ага, а то как же! Да мамочку твою суды и на канате не затащить! — начали было наперебой глумиться вредные деды, но Оля силилась не слушать ядовитые речи, а пыталась петь громче, старательно выводя мелодию.

Тут на подмогу пришла верная подруга **Ва**рюшка, и слаженным дуэтом девочки продолжили:

Мамочка устала,
В гости не пришла.
Но я точно знаю,
Помнишь ты меня.
Может, много важных
Накопилось дел,
Я не буду плакать:
«Где ты, мама, где?»

Мама дорогая, ля-ля-ля!
Мама золотая, я люблю тебя!..

Певицы так увлеклись творческим процессом, раз за разом повторяя припев, что не сразу сообразили, что им больше никто не мешает наслаждаться собственным

вокалом. Сараешники лежали вповалку, словно поверженные на поле брани бойцы. О том, что вояки всё-таки живы свидетельствовал богатырский храп. Кочевор Колядыч храпел устрашающе грозно, а Свирка тоненько и как бы заискивающе.

— А чего это с ними? — удивилась **Варюшка**.

— Знай, не плач, а только пенье злыдней может одолеть... — задумчиво прошептала Оля.

Кукла глянула на подругу озадаченно, отчего показалось, что её чёрные глаза-пуговицы расширились, и в них застыл немой вопрос-недоумение: «А чего это с тобой? Уж не превращаешься ли ты, Оля, снова в бешеную летающую фею-Ёжку?..»

— Не пугайся, **Варюшка**. Это я слова из волшебной книги вспомнила, там ведь именно так и говорилось, что этих гадов только песней можно убаюкать. — Как же нам теперь Ермошку с ключом обратно вернуть?

— Марсик! Он один избежал плена. Юркнул хитрюга, и сараешники не успели на него сеть накинута. Ну-ка, кис-кис-кис.

— Кис-кис-кис, — с энтузиазмом подхватила **Варюшка**.

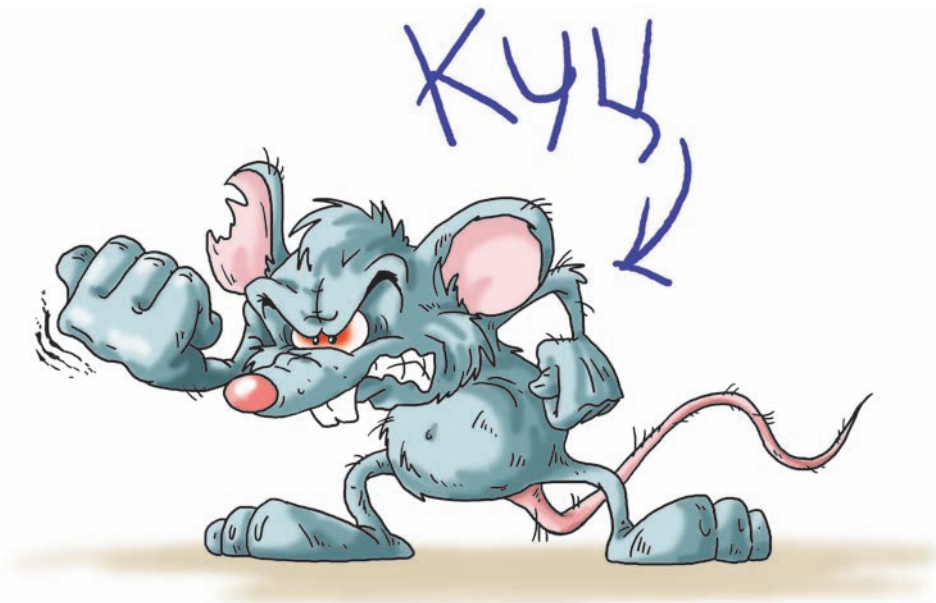
Из тёмного угла на мягких лапах к клетке грациозно подплыл кот. Он лишь понимающе подмигнул и так же бесшумно взметнулся вверх на маленькое, как в деревенской бане, всегда приоткрытое оконце. Махнул на прощание пушистым хвостом и был таков.

Ермошка, казалось, объявился тут же, будто только и ждал, когда о нём вспомнят. Ни слова не говоря, он навалился на дверь клетки и с усилием вытащил металлический штырёк-задвижку, на который в этот раз запирался ненавистный сараешный карцер. Девчонки вышли на волю, изо всех сил стараясь не шуметь, ступать осторожно и даже дышать как можно тише.

Но в этот момент раздался жуткий скрежет, и в ребят полетели комья грязи, мелкие камушки и щепки. Спящие враги опасно заёрзали. Не имея времени разбираться, от кого и почему на их головы свалилась неожиданная напасть, девочки как по команде, не обращая внимания на летящие в них снаряды, вновь затянули спасительную песенку про маму. Сараешники уgomонились и, сладко причмокивая, продолжили безмятежно дрыхнуть, подмывая разорённый школьный ранец, будто подушку.

На свет выскочил гадкий Куц и погрозил маленьким костлявым кулачком. Всем стало сразу понятно, кто кидался всякой пакостью. Однако злодейские проделки крысёнка на этом не закончились. Схватив крючковатый сушок, он подбежал к спящим колдунам, явно намереваясь во что бы то ни стало разбудить сонь ударами деревяшки.

Подлецу почти удалось достичь цели, но в этот момент из темноты выпрыгнул бесстрашный Марсик, будто серая хищная птица накрыла добычу. Кот схватил грызуна зубами за шею и унёс своим привычным путём.

Времени на ахи и охи не было, ведь, чтобы добраться до циферблата и завести часы, друзьям предстояло выстроить пирамиду гораздо выше, чем у ветхого вросшего в землю колодца. Они трудились без устали, выкладывая ступенчатую горку из тяжёлых поленьев.

Но чем выше становилось сооружение, чем ближе была цель, тем труднее было продолжать работу. Когда они стали подниматься вверх, то казалось, что навстречу им течёт поток тяжёлой воды, не позволяя завершить миссию.

Время чудесным образом замедлилось, движения вопреки воле стали неторопливыми и плавными. Даже

в самой атмосфере что-то незримо изменилось. Может, последние закатные лучи проникли в сумрак сарая и позолотили его изнутри. В воздух взметнулись сонмы ярких пылинок-искорок и закружились в свободном кружеве танца.

— Это значит, времени у нас совсем не осталось. Вперёд! — как герой замедленной киносъёмки повелел домовёнок.

Из последних сил друзья шли к вершине. Но совсем рядом, в шаге от победы упала в изнеможении **Варюшка**. И только тогда стало понятно, что ног у неё больше нет. Нити, из которых была связана кукла, растрепались, зацепившись за древесные сучки, петельки распустились, и она обезножила. Какое-то время игрушка ещё, молча стиснув губы, ползла вверх, но сейчас лежала, как бездыханная неживая тряпочка.

Увидев это, Оля беззвучно зарыдала, но она не забывала о том, что может потерять и бабушку, самого дорогого и любимого человека. Только теперь она поняла, **что** бабушка значит для неё. Без бабушки всё на свете теряло смысл, а из жизни уходила вся радость...

Преодолевая непосильную нагрузку и тяжесть, превышающую его собственный вес, Ермошка приподнял девочку, и ей, хоть и не сразу, но всё-таки удалось вставить ключ в замочную скважину. Секундная стрелка замерла. Замер-

ло всё вокруг, спящие сараешники перестали храпеть, даже золотистые стаи пылинок застыли в воздухе.

Вдруг из золочёного циферблата, освещая сумрак сарая, на свободу выплыло пылающее слово «ЛЮБОВЬ». «Вот он огненный автограф из пророчества. Любовь — единственная в мире сила, которая может помочь маленькой девочке одолеть лютых колдунов и совершить настоящее волшебство», — вспыхнули в Олиной голове какие-то чужие взрослые слова.

Девочка настойчиво поворачивала тяжёлый ключ, заводя часы так, как положено, как дедушка заводил всю жизнь... и стрелки, повинаясь волшебному ключу, пошли своим законным образом. Старинный хронограф вновь ожил и принялся торжественно отбивать громогласное: «Бомм-бомм-бомм...»

Оля на секунду оглохла, но почувствовала разливающуюся по телу медовую негу спокойствия и уверенности, а значит, и само течение времени, и всё-всё-всё в её маленьком уютном мире возвращалось на правильный путь.

КОНЦЕРТ НА БРЁВНЫШКАХ

Глава четырнадцатая, в которой Оля становится чуть-чуть взрослее и принимает важное решение.

Оля открыла глаза, она стояла посреди сумрачного сарая. На куче дров лежала полураспустившаяся измызганная кукла. По полу тут и там были разбросаны книги и разные мелкие канцелярские штучки, ранец «с разинутым ртом», как сказала бы бабуля, валялся рядом. Ни сараешников, ни Ермошки не было. Девочка сжала в руке заветный ключ: «Никому его никогда не доверю. Буду теперь, как дедушка, единственным и неподкупным хранителем ключа».

— О-оля! О-о-оля! — послышался со двора тревожный бабушкин голос.

И это было самое прекрасное, что могло случиться за весь трудный перенасыщенный чудесами день! Девочка выбежала из душной темноты сарая в свежие августовские сумерки. Бабушка стояла на крыльце живая и здоровая, а увидев внучку, всплеснула руками:

— Доча, да где ж ты была?! Перепугала ты меня, я уж было подумала, волчок мою детоньку в тёмный лес унёс!

— Ну, бабуля, перестань. Я уже не маленькая! — Оля обхватила бабушку крепко-крепко, словно боялась, что если отпустит, то бабушка может исчезнуть навсегда.

Они долго стояли так, провожая закатное яблоко-солнце. Потом Оля призналась бабушке, что рассыпала все подарки из ранца. Пришлось им, высвечивая фонариком пол сарая, собирать вещи, пока не нашлось всё до последнего ластика.

Перед сном бабушка пришла поцеловать внуку на ночь, словно и не произошло ничего необычного за весь этот длинный волшебный день.

— Знаешь, бабуль, а я решила от тебя к маме не уезжать. С тобой останусь. Насовсем!

— Ох, да ты чего ж удумала? — старушка хоть и старалась спрашивать строго, но Оля сразу поняла — бабушка очень обрадовалась этому известию. Чуть помолчав, та вновь засомневалась: — Доча, у меня ж ноги-то совсем больные, кто ж тебя будет водить в школу через две дороги?

Девочка вдруг вспомнила, что она сегодня бежала подземными ходами, выпрыгивала из колодца, летала над яблоней, и снисходительно хмыкнула:

— Бабуля, не волнуйся, пожалуйста! Я ведь знаю, как дорогу переходить. Да и не одна буду, Серёжке соседскому в ту же школу — будем вместе ходить.

— Ну, ладно-ладно, самостоятельная ты что-то сегодня. Посмотрим.

Концерт кукольного хора начался тотчас, как только бабушка, соседский Серёжа, мама, её новый муж, уселись на пеньках перед импровизированной эстрадой. Сценой в этот раз служили сложенные у забора ароматные сосновые брёвна. Конечно, никто из зрителей не услышал никаких голосов кроме Олиного. Было ещё звяканье Заиной балалайки «треньк-треньк», бабушка с Серёжей старательно подпевали, да каркал с дерева в такт песне воронёнок Валера. Но сама Оля слышала свой кукольный хор, она даже явно уловила, как сфальшивил в припеве Сэмми. Тот, поняв, что опростоволосился, смутился и вовсе умолк, чтобы не портить слаженного пения.

Потом они танцевали вместе с Варюшкой весёлый танец сугробиков, который сами придумали, давно, ещё на Новый год. Обновлённая бабушкиными стараниями Варюшка была вновь цела и невредима. Красивая и весёлая, в новом красном сарафане, она заливисто хохотала, когда они кружились, взявшись за руки. Только и её тоже никто не слышал, ну если только Ермошка, притаившийся за изгородью.

То мечтательно улыбаясь, а то вдруг печально вздыхая, домовёнок сосредоточенно царапал на заборной доске ржавым гвоздиком загадочное: «О. + Е. = Л!»

Оля уговаривала его поддержать концерт и заменить прихворнувшую Джоконю, которая нагостилась в холод-

ном погребѣ и вернулась с простуженным горлом. Но Ермошка, который больше всего на свете боялся показаться на глаза людям (особенно взрослым), отреагировал в своей неподражаемой манере:

— Да приключись на той эстраде хоть массовый падёж, я глазом не моргну, у меня своих делов — за год не переделывать! Мы ж доможилы — народ работяшший, не то что ети там... певисы в красных сарахванах!

Новый мамин муж, скучая, с неизбывной тоской разглядывал носок собственного ботинка. Так всегда делают большие высокомерные дядьки, которым вовсе не инте-

ресна возня чужих детей. Мама смотрела весёлый концерт со слезами, с растерянным печальным лицом, она уже знала, что Оля не пойдёт к ней жить и останется с бабушкой.

Серёжка от переизбытка радости глупо хихикал там, где вовсе и не нужно. И только бабушка смотрела на Олю добрыми, полными любви и восторга глазами, именно такими, какими и нужно смотреть детский концерт... пусть и не настоящий...

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава 1. Потягушечки Глава первая, в которой читатель знакомится с девочкой Олей и её живыми игрушками</i>	<i>5</i>
<i>Глава 2. Сюрприз Глава вторая, в которой игрушки и Оля узнают о сюрпризе и готовятся к тайной операции.....</i>	<i>9</i>
<i>Глава 3. Прятки Глава третья, в которой Оля и её друзья решаются на отчаянную вылазку и знакомятся с кем-то совершенно необыкновенным</i>	<i>20</i>
<i>Глава 4. Прерванная репетиция Глава четвёртая, в которой после триумфального въезда героя верхом происходит явление, окончательно испортившее репетицию.....</i>	<i>30</i>
<i>Глава 5. Ненавистники Глава пятая, в которой обнаруживается пропажа, а также выясняется, что Оля и её игрушки окружены врагами</i>	<i>39</i>
<i>Глава 6. Шубуришундия Глава шестая, в которой воронёнок Валера возвращается из разведки и приносит ужасную новость, Ермошка получает неожиданный подарок, а друзья узнают о стране, где живут сараешники</i>	<i>46</i>
<i>Глава 7. Атака Глава седьмая, в которой друзья отважно направляются во вражеское логово, где им приходится вступить в опасную схватку</i>	<i>55</i>

<i>Глава 8. Превращение Глава восьмая, в которой происходит вовсе невозможное, и друзей посещает отчаяние, однако они вопреки, всему продолжают бороться со злом</i>	<i>68</i>
<i>Глава 9. Збигня и его закрома Глава девятая, в которой друзья попадают в гости к хозяину подземного погребка и узнают о пророчестве из старинной волшебной книги</i>	<i>79</i>
<i>Глава 10. Джунгли Глава десятая, где друзьям предстоит совершить опасное путешествие через огород, который теперь стал похож на настоящие джунгли</i>	<i>87</i>
<i>Глава 11. Угрюша и спасение колодца Глава одиннадцатая, в которой Оле предстоит не только познакомиться с печальным хозяином колодца, но совершить героическое спасение его заколдованного жилища</i>	<i>92</i>
<i>Глава 12. Вредная фея Глава двенадцатая, в которой Оля превращается во вредную фею-озорницу и забывает, кто она на самом деле</i>	<i>101</i>
<i>Глава 13. Волшебные часы Глава тринадцатая, в которой друзьям предстоит бороться со злыми колдунами, покорить высокую башню и совершить настоящее волшебство</i>	<i>109</i>
<i>Глава 14. Концерт на брёвнышках Глава четырнадцатая, в которой Оля становится чуть-чуть взрослее и принимает важное решение</i>	<i>120</i>

СКАЗКА

Художник А. И. Ермолович
Редактор Т. П. Берглизова
Корректор А.Н. Бачурина
Верстка Д. В. Тырышкин

Подписано в печать 13.11.2017. Формат 70х90х1/16.
Гарнитура PetersburgС. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № 226.

Отпечатано в типографии ОАО «Алтайский дом печати»
656043, г. Барнаул, ул. Б. Олонская, 28,
тел.: 8 (3852) 63-79-71, e-mail: zakaz@adp.alt.ru

СТИХИ

Юлия Нифонтова

автор книг:

«Провода гудящих строчек»,
«Осколки Матриархата»,
«Шиза. История одной клички»,
«Предчувствие»,
«Не хочу в Нормандию!»,
«Шиза в квадрате»,
«Мама, это не та больница!»,
«12 самых страшных тайн», и др.
Лауреат VIII Артиады народов России,
премии им. В.В. Бианки,
премии Сбербанка России
«Золотое перо», и др.

Александр Ермолович

художник, иллюстрировал книги:

«Кайнок» Юрия Козлова,
«Библия для юных читателей»,
«Просыпаемся мы» Юстасии Тарасавы,
«12 самых страшных тайн» Юлии Нифонтовой,
серию книг Антона Робина
о приключениях
поварёнка Гранмулино, и др.
Лауреат конкурса
на лучшего художника книги «Золотой переплёт»

